

Три дочери Евы

Автор:

Элиф Шафак

Три дочери Евы

Элиф Шафак

Пери, образцовая жена и образцовая мать, отправляется на званый обед и по дороге застревает в ужасной пробке, столь характерной для Стамбула. И тут из машины какой-то бродяга похищает ее сумочку. Не раздумывая, Пери бросается в погоню. На глазах возмущенной женщины нищий вытряхивает содержимое сумочки на землю, чтобы забрать деньги, и Пери видит фотографию, где она изображена с двумя подругами и их профессором. Реликвия прошлого и любви, которую Пери отчаянно пытается забыть.

Фотография возвращает Пери в Оксфорд, когда она, девятнадцатилетняя, жаждущая любви и стремящаяся к знаниям, впервые попадает за границу. Воспоминания накрыли Пери с головой, заставили вспомнить то, что она отчаянно пытается забыть: потрясающего профессора-бунтаря и его семинар о Боге, полностью изменивший ее жизнь, скандал, который обернулся предательством и развел подруг в разные стороны. Они были такими разными – Ширин, Мона и Пери – Грешница, Правоверная и Сомневающаяся.

«Три дочери Евы» – это история о вере и дружбе, любви и предательстве.

Впервые на русском языке!

Элиф Шафак

Три дочери Евы

Elif Shafak

THREE DAUGHTERS OF EVE

Copyright © 2016 by Elif Shafak

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency.

© Е. Большелапова, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА

* * *

Как быть, когда умру я, Боже?

Кувшин Твой (я разбит – и что же?)

Твое вино (прокисло тоже)

Я смысл и дух Твой, всюду вхожий,

как будешь без меня, Господь?

Р. М. Рильке. Часослов[1 - Перевод А. Прокопьева. – Здесь и далее примеч. перев.]

Если тебя позовут чужим именем,

пойдешь ли ты на зов?

Я горевала год за годом – все ждала,

а он не приходил в мои объятия.

Но однажды ночью мне открылась тайна.

Быть может, имя, которым ты зовешь

Бога, – не его имя.

Быть может, это всего лишь прозвище.

Раба аль-Адавия,

первая суфийская святая, VIII век, Ирак

Часть первая

Сумочка

Стамбул, 2016 год

Шел самый обычный весенний день, длинный и пасмурный, похожий на множество других дней в этом городе, когда она с упавшим сердцем вдруг поняла, что способна кого-нибудь убить. Она и раньше подозревала, что самые кроткие и милые женщины под давлением обстоятельств могут превратиться в разъяренных тигриц. Себя она к числу кротких и милых женщин вовсе не относила и потому считала, что потенциал ярости у нее достаточно высокий. Однако слово «потенциал» – чрезвычайно хитрое. Когда-то все твердили, что у Турции очень высокий потенциал, – и посмотрите, что из этого получилось. Так что ее потенциал ярости, возможно, никогда не проявится, успокаивала она

себя.

К счастью, судьба – эта хорошо сохранившаяся скрижаль с запечатленными на ней событиями прошлого и будущего – берегла ее от неверных шагов. Все эти годы она вела добропорядочную жизнь. Она никого не обидела, никому не сделала больно, во всяком случае намеренно, – невинные сплетни, разумеется, не в счет. В конце концов, все сплетничают, и, если бы злословие было таким уж тяжким грехом, в адских котлах не хватало бы места. Если она кого-то и огорчила, то только Бога, а Бог, несмотря на свой капризный и, как всем известно, весьма переменчивый нрав, никогда не страдает. Причинять и испытывать боль – людской удел.

В глазах родственников и друзей Назпери Налбантоглу – Пери, как ее называли все, – была прекрасным человеком. Она занималась благотворительностью, собирала деньги для бедных семей и людей, страдающих болезнью Альцгеймера, посещала дома престарелых, где состязалась с их обитателями в турнирах по триктраку, нарочно проигрывая им; всегда носила в сумочке угощение для бродячих кошек, коих в Стамбуле великое множество, зачастую даже оплачивала их стерилизацию; внимательно следила за успехами своих детей в школе, устраивала изысканные обеды для начальника и сослуживцев своего мужа; всегда постилась в первый и последний дни Рамадана, хотя и нарушала пост во все остальные дни месяца; на каждый Аид исправно покупала раскрашенного хной жертвенного барашка. Она никогда не бросала мусор на улицах, никогда не пыталась пролезть без очереди к кассе в супермаркете и даже, сталкиваясь с откровенной грубостью, никогда не повышала голоса. Она была образцовой женой, образцовой матерью, образцовой хозяйкой дома, образцовой гражданкой и образцовой современной мусульманкой.

Время, подобно искусному портному, прочно и незаметно сшило воедино два полотна, определяющие ее жизнь: ее представление о себе самой и то, что думали о ней другие. Впечатление, которое она производила на окружающих, и ее собственная самооценка соединились так неразрывно, что она больше не могла сказать, чем руководствуется в каждом своем поступке – своими желаниями или стремлением оправдать чужие ожидания. Она часто испытывала жгучую потребность взять ведро мыльной воды и дочиста отмыть улицы, площади, правительственные здания, парламент, кабинеты чиновников, а заодно и несколько грязных ртов. В мире было столько грязи, которую следовало вычистить, столько поломок, которые следовало починить, столько ошибок, которые следовало исправить! Каждое утро, выходя из дому, она едва слышно

вздыхала, словно так можно было выпустить на волю все тяготы предыдущего дня. Много лет назад Пери решила довольствоваться тем, что имеет, принимать этот мир таким, какой он есть, и хранить молчание перед лицом несправедливости. Тем не менее однажды ничем не примечательным днем она, тридцатипятилетняя благополучная и уважаемая женщина, с удивлением обнаружила, что созерцает зияющую пустоту собственной души.

Всему виной было слишком напряженное уличное движение, убеждала она себя потом. Грохот, скрежет, лязг металла напоминали боевые крики многотысячной армии. Город превратился в гигантскую строительную площадку. Стамбул вырос стремительно и бесконтрольно и продолжал расти, точно прожорливая рыбина, которая уже проглотила больше, чем может переварить, но продолжает ненасытную охоту за новой добычей. Позже, вспоминая тот судьбоносный день, Пери пришла к выводу, что, не попади она в безнадежную пробку, тайные помыслы, давно дремавшие в дальнем уголке ее сознания, так никогда бы и не проснулись.

Зажатые со всех сторон разнокалиберными машинами, они с черепашьей скоростью продвигались вперед по двухполосной дороге, наполовину перегороженной перевернувшимся грузовиком. Пери нервно барабанила пальцами по рулю и то и дело переключала радио с одной станции на другую. Ее дочь с наушниками на голове сидела рядом, сохраняя скучающее выражение лица. Подобно волшебной палочке в злых руках, пробка превращала минуты в часы, людей – в скотов, нормальных – в сумасшедших. Шумевший вокруг город не обращал на все эти чудеса никакого внимания. Одним часом больше, одним меньше – какая разница? Одним скотом больше или одним безумцем меньше – наступает момент, когда это становится совершенно не важно.

Безумие наполняло улицы, как наркотик, отравляющий кровь. Каждый день миллионы горожан принимали очередную дозу безумия, не сознавая, что они все больше и больше утрачивают душевное равновесие. Люди отказывались делиться друг с другом хлебом, но охотно делились безумием. В этой коллективной потере разума было что-то загадочное. Если галлюцинацию видит одновременно множество глаз, она становится реальностью. Если множество людей хохочет над каким-то несчастьем, оно превращается в веселую шутку.

– Прекрати обдирать заусенцы! – внезапно взорвалась Пери. – Сколько раз тебе говорить, чтобы ты не смела это делать!

Дениз с нарочитой медлительностью стянула наушники на шею.

– Это мои заусенцы. Что хочу, то с ними и делаю, – бросила она и отпила из бумажного стаканчика, стоявшего между сиденьями.

По дороге они заехали в «Стар бореk». Против этой турецкой сети кофеен «Старбакс» постоянно возбуждал судебные иски, обвиняя ее в использовании их логотипа, их меню и искаженной версии их названия, но благодаря лазейкам в законе она продолжала работать. Они купили обезжиренный латте для Пери и двойной шоколадный фрапучино для ее дочери. Пери свой кофе давно выпила, а Дениз растягивала удовольствие, делая крошечные глотки, точно раненая птичка. Солнце тем временем опустилось почти к линии горизонта, последние его лучи окрашивали крыши старых домов, купола мечетей и стекла небоскребов в тусклый оттенок ржавчины.

– А это моя машина, – негромко процедила Пери. – И я не хочу, чтобы ты сорила на пол обрывками своей кожи.

Едва эти слова сорвались у нее с языка, она тут же о них пожалела. Моя машина! Как глупо заявлять такое ребенку, да и кому бы то ни было. Неужели она стала одной из тех меркантильных дур, для которых ценность собственной личности равнозначна ценности принадлежащих им вещей? Этого ей бы хотелось меньше всего.

Дениз, судя по всему, материнские слова ничуть не задела. Она пожала костлявыми плечиками, устремила взгляд в пространство и принялась энергично отдирать заусенец с очередного ногтя.

Машина рванулась вперед, но лишь для того, чтобы тут же со скрипом затормозить. Это был «ренджровер» цвета «Небо Монте-Карло», – по крайней мере, именно так оттенок именовался в каталоге продавца. В буклете предлагались и другие цвета: «Снега Давоса», «Красный восточный дракон», «Розовый песок саудовской пустыни», «Синий глянец полиции Ганы» или «Зеленые мундиры индонезийской армии». Сморщив губы в усмешке и качая головой, Пери попыталась представить себе этих пустоголовых маркетинговиков, которые изобретают такие названия. Интересно, помнят ли водители о том, что цвет их роскошных машин, в которых они с такой гордостью красуются, кому-то напоминает о полиции, армии или песчаной буре на Аравийском полуострове?

Как бы там ни было, по стамбульским улицам ездило много шикарных автомобилей самых разных цветов. Порой они выглядели здесь неуместно, словно холеные породистые псы, которым судьбой была уготована жизнь в ласке и неге, но они каким-то невероятным образом заблудились и теперь бродят по грязным закоулкам. Гоночные кабриолеты, не имея возможности разогнаться, издавали разочарованный рев, массивные внедорожники, несмотря на сложные маневры, не могли втиснуться в тесные места для парковки, если свободные места случайно имелись в наличии, а дорогие седаны тосковали по широким просторным дорогам, существующим лишь в далеких странах и в рекламных роликах.

– Я читала, что у нас худшее в мире дорожное движение, – заметила Пери.

– Что?

– У нас больше всего аварий и пробок. Больше, чем в Каире. Даже больше, чем в Дели.

Ни в Каире, ни в Дели она никогда не бывала. Но, как и большинство стамбульцев, Пери была твердо убеждена, что их город намного цивилизованнее, чем эти отдаленные, грязные, перенаселенные столицы. Хотя «отдаленность», как известно, понятие относительное, а определениями «грязный» и «перенаселенный» часто и заслуженно награждают Стамбул. Тем не менее этот город стоит на границе с Европой. Подобная близость что-нибудь да значит. Европа была так маняще близка, что Турция уже поставила одну ногу на европейский порог и попыталась ворваться в дверь, когда вдруг обнаружила, что проход слишком узок и, сколько бы она ни извивалась, протиснуться туда нет никакой возможности. К тому же Европа, вместо того чтобы распахнуть дверь пошире, поспешила ее тут же захлопнуть.

– Круто! – воскликнула Дениз.

– Что круто? – недоуменно переспросила Пери.

– Ну хоть в чем-то мы первые.

Реплика была вполне в духе Дениз: с недавних пор, о чем бы ни зашла речь, она всегда перечила матери. Каждое замечание Пери, сколь бы уместным и

разумным оно ни было, дочь встречала с враждебностью, граничащей с ненавистью. Пери понимала, что Дениз, достигнув переходного возраста – девочке было двенадцать с половиной, – хочет освободиться от родительского и в первую очередь материнского влияния. В этом не было ничего страшного. И все же с количеством ярости, сопровождавшей этот процесс, примириться было нелегко. Дочь вскипала таким бешенством, какого Пери не испытывала ни на одном жизненном этапе, даже в подростковые годы. Сама она прошла через пубертатный период в легком смятении, сохранив при этом почти незапятнанную наивность. Да, она была совсем не таким трудным подростком, как ее дочь, хотя ее собственная мать не проявила и половины той заботы и понимания, с которыми подходила к проблеме она. Как это ни парадоксально, чем сильнее Пери страдала от злобных вспышек дочери, тем сильнее она досадовала на то, что в свое время не изводила мать подобными выходками.

– Когда доживешь до моих лет, тебя этот город тоже начнет выводить из терпения, – пробормотала Пери.

– Когда доживешь до моих лет... – передразнила Дениз. – Раньше ты так не говорила.

– Не говорила, потому что раньше было лучше!

– Нет, мама, это потому, что ты превратила себя в старуху! – заявила Дениз. – Говоришь, как они. Да и одеваешься тоже.

– А что не так в моей одежде?

Молчание.

Пери окинула взглядом свое лиловое шелковое платье и вышитый бисером муслиновый жакет. Этот комплект она купила в дорогом бутике, в новом торговом центре, угнездившемся внутри другого торгового центра, побольше, словно дитя в утробе матери. Стоило платье очень дорого. Когда она заметила, что цена непомерно высока, продавец возражать не стал – лишь слегка раздвинул кончики губ в снисходительной улыбке. «Если вы не можете позволить себе шикарных вещей, леди, зачем вы сюда пришли?» – говорила эта улыбка. Пери почувствовала себя уязвленной.

– Я возьму его! – услышала она свой голос словно со стороны.

Теперь она чувствовала, что материал вовсе не так мягок и нежен, как ей казалось вначале, да и расцветка перестала ей нравиться. Лиловый оттенок, привлекий ее в магазине своей необычностью, при дневном свете выглядел кричащим и претенциозным.

Так или иначе, переживать по этому поводу было совершенно бессмысленно – вернуться домой и переодеться она все равно не могла. Они и так уже опаздывали на обед в загородном доме одного бизнесмена, за несколько лет сделавшего колоссальное состояние, – в этом обстоятельстве, впрочем, не было ничего необычного. В Стамбуле хватало и новых богачей, и старых бедняков, и тех, кто в одночасье из нуворишей превращался в нищего.

Пери терпеть не могла подобных сборищ, которые обычно затягивались до ночи, а утром откликались мучительной головной болью. Она предпочла бы остаться дома и провести несколько блаженных часов, погрузившись в чтение какого-нибудь романа, – именно благодаря чтению она ощущала свою связь с мирозданием. Однако в Стамбуле роскошь уединения могут позволить себе лишь немногие. Здесь всегда подворачивается очередное важное событие, которое нужно обязательно посетить, или безотлагательная общественная обязанность, которую нужно непременно исполнить, как будто в самой нашей природе заложен детский страх одиночества, заставляющий нас постоянно собираться вместе. Много смеяться и много есть. Слушать разговоры о политике и вдыхать дым сигар. Щеголять друг перед другом нарядами и туфлями, но самое главное – дизайнерскими сумочками. Женщины держат свои сумочки с такой гордостью, словно это завоеванные в кровавых битвах трофеи. Никто не скажет, какие из них настоящие, а какие – нет. Стамбульские дамы, принадлежащие к верхушке среднего класса, страшно боятся, что их уличат в покупке подделок. Посещать сомнительные магазины, расположенные поблизости от Гранд-базара, они не отваживаются, зато приглашают продавцов к себе домой. Фургоны с затемненными окнами и забрызганными грязью номерами, хотя в остальном совершенно чистые, шныряют по богатым кварталам, словно прикатив из какого-нибудь шпионского фильма. Эти минивэны, доверху набитые подделками под «Шанель», «Луи Вуиттон» и «Боттега Венета», заезжают через задние ворота в гаражи шикарных особняков. Расчеты производятся наличными, чеки не выписываются, лишние вопросы не задаются. На следующем светском мероприятии дамы вновь будут украдкой разглядывать чужие сумочки, пытаясь выявить подделку под престижный

бренд. Но эта задача по плечу лишь тем, кто обладает чрезвычайно острым зрением.

Впрочем, у женщин зрение острое. Они пристально разглядывают, изучают друг друга, стараясь выявить недостатки и просчеты, иногда тщательно скрываемые, иногда выставляемые напоказ. Чересчур яркий маникюр, жировые складки, обвисшие животы, накачанные ботоксом губы, целлюлит, заметный даже после липосакции, отросшие корни окрашенных волос, прыщи и морщины, скрытые под толстым слоем тонального крема... Ни один изъян не укроется от пронзительного женского взгляда. Сколь бы мирным нравом ни обладала женщина, попадая на светский раут, она всегда превращается в судью и жертву одновременно. Чем больше Пери думала о предстоящем ей испытании, тем тяжелее становилось у нее на душе.

– Пойду разомну ноги, – заявила Дениз и выскочила из машины.

Пери немедленно закурила. Курить она бросила лет десять назад, но в последнее время у нее вошло в привычку носить с собой пачку сигарет и закуривать при всяком удобном случае. Правда, она никогда не докуривала сигарету до конца, ограничиваясь несколькими затяжками. Каждый раз после этого Пери испытывала чувство вины и отвращения и пыталась заглушить запах дыма с помощью мятной жевательной резинки, которую ненавидела. Она всегда считала: если бы политические партии подразделялись по вкусам жевательных резинок, мятный наверняка достался бы фашизму – он был таким же полновластным, безжалостным и стерильным.

– Да тут задохнуться можно! – простонала вернувшаяся Дениз. – Ты что, не понимаешь, что это тебя убивает?

Дениз была в том возрасте, когда дети считают курильщиков чем-то вроде вампиров на воле. В школе она недавно сделала презентацию о вреде курения и сама придумала плакат, на котором разноцветные стрелки соединяли только что открытую пачку сигарет и свежевырытую могилу.

– Ладно-ладно, – виновато пробормотала Пери и замахала рукой, разгоняя дым.

– Будь я президентом, то сажала бы в тюрьму родителей, которые курят рядом со своими детьми. Честное слово!

– Хорошо, что ты пока не президент, – заметила Пери и нажала кнопку, открывающую окно.

Сигаретный дым вырвался наружу, закрутился в воздухе, а потом плавно и неожиданно влетел в окно стоявшей рядом машины. Теснота – вот от чего в этом городе нет никакого спасения. Всё и вся здесь располагается слишком близко. Наводняющие тротуары пешеходы спешат вперед, двигаясь единым потоком; пассажиры теснят друг друга на паромках, в автобусах и поездах метро; иногда человеческие тела едва не расплющивает от давки, а иногда они лишь слегка соприкасаются, словно семена одуванчика, несомые ветром.

В соседней машине сидели двое мужчин. Оба усмехнулись. Вспомнив, что «Дополненное руководство по мусульманскому этикету» расценивает выдыхание сигаретного дыма в лицо незнакомого мужчины как откровенное сексуальное предложение, Пери побледнела. Город, в котором она жила, напоминал штормящий океан, полный дрейфующих айсбергов – мужчин, чьи потаенные желания и намерения могут быть непредсказуемы. От женщины требовалось немало умения и ловкости, чтобы держаться от этих айсбергов как можно дальше.

Передвигаясь пешком или на машине, женщина должна была сохранять рассеянный вид и глубокую задумчивость, словно перед ее мысленным взором вдруг оживали воспоминания далекого прошлого. Всегда и везде, где только возможно, ей следовало опускать голову, демонстрируя тем самым ничем не замутненную скромность и застенчивость, и в то же время постоянно быть начеку, дабы избежать порой смертельных опасностей большого города, не говоря уже о недвусмысленном внимании мужчин и откровенных сексуальных домогательствах. А это было совсем не просто. По мнению Пери, умение ходить, потупив взор, и одновременно быть настороже, зорко поглядывая по сторонам, вообще находилось за пределами человеческих возможностей. Она выбросила сигарету и закрыла окно, надеясь, что не возбудила в двух незнакомцах особого интереса. На светофоре загорелся зеленый свет, но это ничего не изменило. Ни одна машина не двинулась с места.

Тут она увидела бродягу, который плелся посередине дороги. Долговязый, нескладный, тощий, как ивовый прут. Впалые щеки, подбородок, покрытый сыпью, пятна экземы на руках. Наверное, один из миллионов сирийских беженцев, которые лишились всего, что у них когда-то было, сразу подумала

Пери, хотя с тем же успехом нищий мог оказаться и курдом, и цыганом, да и турком тоже. А может, в нем было намешано понемногу от каждой нации. На этой земле, жители которой постоянно мигрируют, смешиваясь друг с другом, не так много людей, сохранивших этническую чистоту. Те, кто утверждает, что в их жилах течет кровь лишь одного народа, зачастую обманывают и себя, и своих детей. Стамбул – город, где обман цветет пышным цветом.

Пальто бродяги с оторванным воротником было таким замызганным, что уже ничем не выдавало свой первоначальный цвет; ноги покрывал толстый слой засохшей грязи. Увидев окурок со следами помады, который бросила Пери, он схватил его и жадно затянулся. Скользя взглядом по его лицу, Пери с удивлением обнаружила, что он смотрит на нее с откровенным любопытством. Держался он развязно, почти с вызовом, словно был не бродягой, а знаменитым актером, играющим бродягу. Блестяще исполнив свою роль, он ждал аплодисментов.

Смущенная опасной близостью троих мужчин – двоих в машине и одного на дороге, – Пери резко повернулась, забыв про стакан с фрапуччино между сиденьями. В следующее мгновение пенистое содержимое оказалось у нее на коленях.

– О нет! – простонала Пери, с ужасом глядя, как темное пятно расплзается по ее дорожному платью.

Дочь присвистнула, явно наслаждаясь ее состоянием.

– Скажешь, что это творение одного нового и очень модного дизайнера, – посоветовала она.

Пропустив издевку мимо ушей, Пери схватила свою лавандовую сумочку из страусиной кожи – изящное воплощение знаменитой модели «Биркин», безупречное в каждой детали, за исключением неправильного ударения в слове «Эрме» – увы, городские торговцы контрабандой не слишком преуспели во французском правописании. Вытянув из сумочки упаковку бумажных платков, Пери принялась тереть пятно, прекрасно сознавая, что делает только хуже. От досады она совершила ошибку, непростительную для опытного стамбульского водителя: бросила сумочку на заднее сиденье, хотя замок на дверях был открыт.

Она еще успела заметить краем глаза какое-то движение. Прямо по дороге, направляясь в их сторону, шла девочка лет двенадцати. Маленькая побирушка выклянчивала милостыню, надеясь получить хоть несколько монет. Ветхая одежонка болталась на ней, как на вешалке. Протянув руку, девочка шла, словно по воде, не двигая верхней частью тела. У каждой машины нищенка останавливалась на несколько секунд и тащилась к следующей. Наверное, думает, раз человек не проникся жалостью сразу, ждать бессмысленно, промелькнуло в голове у Пери. Милосердие невозможно пробудить, взывая к нему с настырной настойчивостью, оно либо проявляется сразу, либо никогда.

Когда девочка поравнялась с их «ренджровером», Пери и Дениз, как по команде, отвернулись, притворившись, что не замечают ее. Но стамбульские нищие уже привыкли к подобным маневрам и знают, как поступать в таких случаях. С той стороны, куда повернули головы мать и дочь, немедленно появилась еще одна девочка, примерно тех же лет, с протянутой ладошкой.

К великой радости Пери, на светофоре в этот момент вспыхнул зеленый свет, и поток машин хлынул вперед, как вода из садового шланга. Она уже собиралась нажать на педаль газа, когда вдруг услышала, как задняя дверь машины открылась и тут же захлопнулась. Все произошло мгновенно. В зеркало заднего вида она увидела, что сумочка, валявшаяся на сиденье, исчезла.

– Воры! – охрипшим от волнения голосом закричала Пери. – У меня украли сумочку! На помощь!

Машины, стоявшие сзади, оглушительно гудели. Никому не было дела до ее несчастья, все хотели лишь одного – двигаться вперед. Никто не собирался приходить ей на помощь. После секундного раздумья Пери, вывернув руль, съехала на обочину и включила аварийные огни.

– Мама, что ты делаешь?

Она не ответила. Времени на разговоры не было. Она успела заметить, в каком направлении убежали малолетние воришки, и намеревалась догнать их во что бы то ни стало. Могучий, почти животный инстинкт твердил ей, что она просто обязана найти похитителей и вернуть то, что по праву принадлежит ей.

– Мама, да наплевать на эту дурацкую сумку! Все равно это подделка под фирму.

– Там деньги и банковские карты. И телефон!

Дениз явно нервничала. Она терпеть не могла привлекать к себе внимание. Все, чего ей хотелось, – быть серой каплей в сером море. В любой нестандартной ситуации ей становилось не по себе.

– Оставайся здесь! Запри двери и жди меня! – скомандовала Пери. – И не надо со мной спорить!

– Но, мама...

Не слушая, Пери выскочила из машины. Сразу же выяснилось, что преследовать грабителей на высоких каблуках невозможно. Недолго думая, она скинула туфли и побежала, тяжело шлепая по асфальту босыми ступнями. Дочь смотрела на нее из окна, вытаращив глаза от изумления и досады.

Пери бежала, сознавая, как нелепо выглядит в лиловом платье, как смешно подпрыгивают ее груди, как пылают щеки под взглядами десятков любопытных глаз, и все же, несмотря на всю комичность ситуации, испытывала пьянящее чувство свободы. Ей удалось сломать барьер, вырваться в некую запретную зону, неведомую и манящую. Сопровождаемая хохотом водителей и криками чаек, Пери свернула с дороги в какую-то улочку. Остановись она хотя бы на секунду, то пришла бы в ужас от собственной смелости, сообразив, что в этом грязном переулке ничего не стоит наступить босой ногой на ржавый гвоздь, битое стекло илидохлую крысу. Но пока она бежала, подобные мысли не приходили ей в голову. Ноги, неподвластные рассудку, несли ее вперед все быстрее и быстрее. Оказалось, они хорошо помнят те времена, когда она, студентка Оксфорда, каждый день, невзирая на погоду, пробегала трусцой три-четыре мили.

В ту пору бег доставлял ей радость. Но, как и прочие радости жизни, эта тоже, увы, осталась в прошлом.

Немой поэт

Стамбул, 1980-е годы

Когда Пери была маленькой, семья Налбантоглу жила на улице Немого Поэта, в азиатской части Стамбула, в квартале, где обитали не самые состоятельные представители среднего класса. Воздух там был насквозь пропитан запахами печеных баклажанов, молотого кофе, горячих лепешек и чесночных приправ. Они вырывались из открытых окон – настолько сильные, что проникали повсюду, даже в сточные канавы и люки, и настолько острые, что свежий утренний ветер, залетая сюда, в испуге менял направление. Но местные жители не сетовали. Они просто не замечали запахов. Что касается чужаков, они забредали сюда редко. Дома здесь теснились беспорядочно, словно могильные плиты на заброшенном кладбище. Над всей улицей, подобно плотному туману, висела беспросветная скука, лишь изредка, да и то ненадолго, нарушаемая криками детей, затеявших какую-нибудь игру.

Происхождение названия улицы было овеяно легендами и слухами. Поговаривали, что она названа в память об одном знаменитом османском поэте, жившем в этих местах. Недовольный слишком скудным вознаграждением за поэму, которую он отослал во дворец, поэт дал обет молчания, заявив, что откроет рот, лишь получив от султана достойную награду.

– Несомненно, повелитель земель Цезаря и Александра Великого, владыка трех континентов и пяти морей, тень Бога на земле, щедро изольет свои милости на смиреннейшего из своих подданных. Если же этого не произойдет, я пойму, что творения мои слишком несовершенны, и буду хранить безмолвие до конца дней своих, ибо безмолвный поэт лучше бездарного поэта.

Так якобы заявил стихотворец и погрузился в молчание, столь же полное, как молчание ночного снега. В этом не было никакого вызова – как и положено верноподданному, поэт трепетал перед своим повелителем и благоговел перед ним. Но творческая его натура жаждала похвал, признания и любви – и, разумеется, щедрой денежной награды, которая никогда не бывает лишней.

Когда об этом происшествии донесли султану, он счел подобную дерзость забавной и пообещал воздать поэту должное. Как и все тираны, к творческим людям он испытывал смешанные чувства – их общество было ему приятно, когда

они держали себя в рамках, но он знал, что поведение их бывает непредсказуемо. Художники и поэты на все имеют свой взгляд – иногда это довольно занятно, иногда вызывает раздражение. Султан держал при дворе нескольких поэтов, никогда не выходивших за границы дозволенного. Они говорили что хотели, пока это не касалось государства и его законов, религии, всемогущего Аллаха и, разумеется, самого султана.

Судьба распорядилась так, что несколько дней спустя в серале вспыхнул заговор, в результате которого султана свергли, а на трон взошел его старший сын. Прежний повелитель был лишен жизни. Дабы не пролить ни капли благородной крови, его удушили шелковой тетивой. В делах смерти жители Османской империи соблюдали правила и предписания так же скрупулезно, как и во всех прочих вопросах, не допуская никаких отступлений. Особ царской крови подвергали удушению, воров вздергивали на виселице, мятежникам отрубали головы, разбойников с большой дороги сажали на кол, государственных чиновников замуровывали в цемент, проституток топили в море, зашив в набитый камнями мешок. Каждую неделю перед дворцом появлялась новая партия отрубленных голов, укрепленных на перекладине виселицы; представителям высших сословий рот набивали хлопком, простолюдинам – соломой. Столь же молчаливым, сколь эти несчастные, стал и поэт, о клятве которого новый правитель ничего не знал. Верный своему зароку, он не произносил ни слова до последнего вздоха.

Впрочем, история эта имела несколько версий. Согласно одной из них, султан, узнав, что поэт считал его недостаточно щедрым, разгневался и повелел отрезать поэту язык, зажарить его, нарезать на кусочки и скормить кошкам. Но язык поэта, так часто произносивший язвительные речи, приобрел горький вкус, который не смог заглушить даже соус из овечьих хвостов и молодого лука. Кошки отказались от угощения и разбрелись прочь. Жена поэта, наблюдавшая за происходящим из окна, тайно собрала кусочки языка и сшила их. Положив свое рукоделие на кровать, она отправилась на поиски врача, способного вшить язык в рот ее мужа. Но тут в открытое окно влетела чайка и похитила многострадальный язык. Надо сказать, чайки в Стамбуле обладают весьма наглым нравом и хватают все без разбора, не брезгуя самыми неаппетитными отбросами. Порой эти птицы даже нападают на животных, вдвое превосходящих их, и выклевают им глаза. Вот так поэт и остался безмолвным, как фонарь рыбака. Теперь его стихи выкрикивало пернатое создание, словно нарочно кружившее над его головой.

Впрочем, независимо от того, как их улица получила свое название, была она старомодной и тихой, и больше всего среди ее обитателей ценились три добродетели, которые могли бы соответствовать трем состояниям материи: беспрекословная покорность Аллаху (а также имамам), упование на его волю как на нерушимую опору – твердь; готовность отдаваться течению божественной реки жизни, не обращая внимания на грязь и ил, наполнявшие ее русло, – жидкость; отказ от амбиций и притязаний, ибо все земные владения и богатства в конце концов превратятся в ничто – газ. Никто не сомневался в том, что удел каждого предопределен раз и навсегда, а страдания – это неизбежная часть жизни, в том числе и те, что люди постоянно причиняют друг другу, будь то драки футбольных болельщиков, политические баталии или оплеуха жене.

Семья Налбантоглу жила в двухэтажном доме цвета забродивших вишен. На протяжении многих лет его красили в разные оттенки, и он становился то зеленым, как соленая слива, то коричневым, как ореховое масло, то бордовым, как маринованная свекла. Налбантоглу арендовали первый этаж, домовладелец жил на втором. Семья не была состоятельной, хотя бедность и богатство, как известно, весьма относительные категории, однако в детстве Пери никогда не чувствовала себя обездоленной. Это чувство пришло позднее и в отместку за свое опоздание стало терзать ее с удвоенной силой, словно рассчитывая наверстать упущенное. Оглядываясь назад, она поняла, каким скопищем ошибок была та семья, в которой она выросла, ощущая себя любимой дочерью, защищенной от всех бед и напастей.

Пери была последним ребенком четы Налбантоглу. Ее появление на свет стало для родителей настоящим чудом, ибо супруги, уже имевшие двоих сыновей-подростков, считали себя слишком старыми для деторождения. С Пери буквально сдували пылинки, все ее желания не просто выполнялись, но предугадывались. Однако даже в эти безмятежные годы она чувствовала, что в родном доме подчас веет тревожным ветерком, который тут же превращался в мощный ураган, если родители находились в одной комнате.

Отец и мать Пери были несовместимы, как мечеть и трактир. Стоило им оказаться рядом, как их голоса становились напряженными, а между бровей залегали складки. Они больше напоминали соперников за шахматной доской, но никак не любящих супругов. В той сложной игре, которую представляла собой их семейная жизнь, каждый старался выработать тактику, продумать несколько ходов вперед, потеснить противника, захватить его фигуры и загнать его в угол. Каждый видел в другом тирана, под гнетом которого страдает вся семья, и

мечтал о моменте, когда сможет наконец произнести: «Шах и мат, „шах манаду“ [2 - Шах и мат (перс.).], король бессилён». Их совместная жизнь была насквозь пропитана взаимной неприязнью, и никому из них не требовалось особого повода, чтобы чувствовать себя обиженным и разочарованным. Даже в раннем детстве Пери чувствовала, что ее родителей заставляет быть вместе отнюдь не любовь, которой, скорее всего, между ними никогда не было.

Каждый вечер она смотрела, как отец, сгорбившись, сидит за столом, заставленным множеством тарелок с закусками и бутылкой раки посередине. Фаршированные виноградные листья, запеченные на гриле красные перцы, артишоки в оливковом масле, пюре из нута и, конечно, его любимый салат с ягнячьими мозгами. Ел он медленно, пробуя каждое блюдо с видом привередливого гурмана, но при этом без всякой охоты, словно еда была для него не удовольствием, а тягостной необходимостью, ибо уважающий себя человек никогда не станет пить на пустой желудок. «Я не играю в азартные игры, не ворую, не беру взятки, не курю и не хожу к продажным женщинам, так неужели Аллах не простит своему старому творению такой незначительный грех?» – любил повторять Менсур. Как правило, компанию за долгим ужином ему составлял какой-нибудь приятель, а то и два. Подобно большинству людей, живущих на земле, они с особой охотой говорили о вещах, которые нравились им меньше всего.

– Тот, кто повидал мир, знает, что в разных странах пьют по-разному, – заявлял Менсур. Сам он в молодости работал судомехаником, поэтому поездил немало. – В демократических странах мужик, напившись, начинает причитать: «Ах, во что превратилась моя обожаемая цыпочка!» А там, где никакой демократии и в помине нет, он заводит другую песню: «Ах, во что превратилась моя обожаемая страна!»

Вскоре разговоры иссякали, и они начинали петь – сначала жизнерадостные балканские мелодии, потом революционные причерноморские песни, а под конец неизменно наставал черед грустных анатолийских баллад о несчастной любви и разбитом сердце. Турецкие, курдские, греческие, армянские напевы смешивались в воздухе, словно клубы дыма.

Сидя в уголке, Пери наблюдала за ними, и на сердце ее ложилась тяжесть. Она не могла понять, в чем причина отцовской грусти и недовольства жизнью. Ей казалось, грусть прилипла к нему намертво, как прилипает смола к подошве ботинка. Как помочь ему воспрянуть духом, она не знала, но все же не оставляла

попыток это сделать. Ведь она была, как утверждали все домашние, истинной дочерью своего отца.

С портрета, висевшего на стене в резной рамке, на них глядел Мустафа Кемаль Ататюрк – отец всех турок. В его холодных голубых глазах сверкали золотистые искорки. Портреты национального героя висели по всему дому: в кухне Ататюрк в военной форме, в гостиной – Ататюрк в рединготе, в спальне хозяина – Ататюрк в пальто и меховой шапке, в холле – Ататюрк в развевающемся плаще и шелковых перчатках. В дни национальных праздников Менсур выставлял в окне национальный флаг с изображением великого человека, чтобы его видели все прохожие.

– Помни: если бы не он, мы жили бы, как в Иране, – часто говорил Менсур дочери. – Я бы отрастил круглую бороду и зарабатывал на жизнь тайной торговлей самогоном. За это меня бы высекли на площади. А тебе, душа моя, с детства пришлось бы прятать свое хорошенькое личико под чадрой.

Друзья Менсура – школьные учителя, банковские клерки, инженеры – тоже были убежденными сторонниками Ататюрка и его принципов. Они читали вслух, а иногда, охваченные приступом вдохновения, даже сочиняли патриотические поэмы, столь похожие одна на другую и по форме, и по содержанию, что казались эхом, без конца повторяющим один и тот же мощный клич. И все же Пери нравилось наблюдать за ними, слушать их пение и дружелюбные разговоры. Смысл этих разговоров ускользал от нее, но переливы их голосов, то затихающие, то вновь набирающие силу – как правило, это происходило в момент, когда стаканы в очередной раз наполнялись до краев, – завораживали ее. Мужчины не возражали против ее присутствия. Интерес, который девочка проявляла к их разговорам, воодушевлял их и позволял надеяться, что они найдут понимание у подрастающего поколения. Поэтому Пери оставалась в гостиной, потягивая апельсиновый сок из любимой кружки отца, украшенной подписью национального лидера и его изречением: «Цивилизованный мир ушел от нас далеко вперед, и мы должны его догнать. Другого выбора у нас нет».

Пери любила эту фарфоровую кружку, гладкие бока которой было так приятно сжимать в ладонях. Всякий раз, допив сок, она испытывала легкое сожаление, словно только что упустила шанс догнать цивилизованный мир.

Долго сидеть и слушать ей почти никогда не удавалось. Обычно она носилась туда-сюда, вытряхивая пепельницы, наполняя ведерки для льда, поджаривая

тосты, – поручения всегда находились, тем более что мать в такие вечера почти всегда отсутствовала.

Едва закончив накрывать на стол, как обычно, с приглушенными вздохами, Сельма удалялась в свою спальню и не выходила оттуда до утра. Иногда она не появлялась до обеда, а то и до вечера. Слова «депрессия» в их доме слыхом не слыхивали, и мать объясняла свое отсутствие тем, что у нее разболелась голова. Она часто мучилась от сильной головной боли, которая доводила ее до полного изнеможения, вынуждая весь день лежать в постели с полузакрытыми глазами. Сельма утверждала, что телесные немощи очищают и возвышают дух. Ее собственный дух очистился до такой степени, что она везде видела дурные предзнаменования. Голубь, усевшийся на карниз у ее окна, перегоревшая лампочка, чайный лист, плавающий в чашке, – все это служило для нее источником тревог и опасений. Запершись в своей комнате, она лежала без движения и досадовала на каждый долетавший до нее звук. Полежать в тишине ей не удавалось никогда, так как стены в доме были тонкими, словно раскатанное тесто. Стена, которую воздвигли между собой Менсур и Сельма, была куда толще и плотнее и с каждым годом становилась все выше.

Не так давно Сельма вступила в религиозный кружок, который возглавлял один проповедник, известный своим красноречием и непреклонностью взглядов. Его прозвали Узумбаз[З - Пресс для винограда (тур.)]-эфенди за непримиримость к ереси и идолопоклонству, которые он был готов давить в любых их проявлениях, как давят виноград ногами, когда делают вино. Его ничуть не тревожило, что такое прозвище напоминает о приготовлении вина – грехе не менее тяжком, чем пьянство. Ни сочный виноград, ни вино не интересовали его ни в малейшей степени – ему нравилось именно давить.

Под влиянием своего учителя Сельма очень сильно изменилась. Она не только отказывалась обмениваться рукопожатиями с представителями противоположного пола, но и не садилась в автобусе на сиденье, где до нее сидел мужчина, даже если он вставал и уступал ей место. В отличие от многих своих подруг, она не носила никаб, но полностью покрывала голову платком. Она стала крайне неодобрительно относиться к поп-музыке, не сомневаясь в ее разлагающем воздействии, полностью очистила дом от конфет и всякого рода снеков, отказалась от мороженого, шоколада, картофельных чипсов, даже если все эти продукты были снабжены ярлыком «халяль», с тех пор как Узумбаз-эфенди объяснил ей, что они могут содержать желатин, а желатин, в свою очередь, может содержать коллаген, для приготовления которого используется

свиной жир. Она так боялась соприкоснуться с чем-нибудь, имеющим отношение к свиньям, что вместо шампуня использовала оливковое мыло, а вместо зубной пасты – палочку мисвака. Свечи она тоже изгнала из своего дома, заменив их кусочками сливочного масла с фитилем внутри. Подозревая, что при производстве импортной обуви применяют клей, сделанный из свиных костей, она перестала ее носить и всем своим знакомым настоятельно рекомендовала последовать ее примеру. В сандалиях скорее убережешься от греха, говорила она. В детстве Пери, следуя напутствиям матери, ходила в школу в сандалиях из верблюжьей кожи и в носках из козьей шерсти, что, разумеется, делало ее объектом насмешек одноклассников.

Вместе со своими единомышленниками Сельма ездила на все пляжи Стамбула и его окрестностей, где пыталась убедить женщин, загорающих в открытых купальниках, что они безвозвратно губят свои души. «Помните, что телам, которые вы так бесстыдно выставляете на всеобщее обозрение, предстоит вечно гореть в адском пламени!» – возвещала она. Участники кружка раздавали всем и каждому листовки, написанные с грубыми ошибками, без запятых, зато с множеством восклицательных знаков, о том, что дочери Евы, демонстрирующие нагую плоть в публичных местах, навлекут на себя гнев Аллаха. По вечерам, когда пляжи пустели, ветер носил по берегу разорванные и измятые листовки, смешивая с песком слова «разврат», «кощунство», «вечное проклятие», похожие на высохшие водоросли.

Сельма, и раньше отличавшаяся живым нравом, на новом жизненном этапе стала еще более разговорчивой и общительной. Главную свою миссию она видела в том, чтобы привести окружающих, и прежде всего мужа, на путь спасения. Но Менсур вовсе не собирался менять свою жизнь и уж тем более не хотел, чтобы им руководили. В результате семья Налбантоглу разделилась на две зоны влияния, которые можно было назвать «Дар аль-ислам» и «Дар аль-харб» – зону повиновения и зону войны.

Религия ворвалась в их жизнь неожиданно, как метеор, и расколола семью на два враждующих лагеря. Младший сын, глубоко набожный приверженец крайне националистических взглядов, принял сторону матери; старший, Умут, поначалу пытался погасить конфликт и сохранить нейтралитет, хотя его слова и поступки свидетельствовали о том, что он склоняется влево. Кончилось все тем, что он объявил себя убежденным марксистом.

Пери, как самой младшей в семье, приходилось тяжелее всего. И отец, и мать старались склонить дочь на свою сторону, превратив ее жизнь в поле битвы для своих непримиримых мировоззрений. Даже сама мысль о том, что она должна сделать выбор между несгибаемой религиозностью матери и столь же несгибаемым материализмом отца, приводила ее в ступор. К тому же Пери относилась к числу людей, которые, если это только возможно, стараются никого не обижать. Она хотела быть приветливой и доброжелательной со всеми, но для того, кто находится в центре схватки, это слишком трудная задача. Никто не замечал, как она гасит бушующее в ней пламя, превращая горящие угли в пепел.

Один угол в их гостиной особенно ясно говорил о том, какая пропасть лежит между ее родителями. На стене над телевизором висели две полки. На одной стояли отцовские книги: «Ататюрк. Возрождение нации» лорда Кинросса, сборник речей самого Ататюрка, «Оказывается, я люблю» Назыма Хикмета, «Преступление и наказание» Достоевского, «Доктор Живаго» Бориса Пастернака, коллекция мемуаров, написанных генералами и простыми солдатами Первой мировой войны, и старинное издание «Рубай» Омара Хайяма, истрепанное от частого чтения.

На другой полке, материнской, царил совсем другой мир. В течение многих лет на ней красовались фарфоровые лошадки всех цветов и размеров: пони, жеребцы и кобылы с золотыми гривами и разноцветными хвостами, бегущие, отдыхающие, пасущиеся. Постепенно там начали появляться книги: «Хадисы», составленные имамом аль-Бухари, «Воспитание души» аль-Газали, «Как правильно молиться и просить в исламе. Пошаговое руководство», «Истории из жизни пророков», «Настольная книга правоверной мусульманки», «Терпение и благодарность – важные исламские добродетели», «Исламский толкователь снов». Почетное место в правом углу было отдано двум книгам Узумбаза-эфенди: «Принесем чистоту в безнравственный мир» и «Шайтан шепчет тебе на ухо». Фарфоровые лошадки вынуждены были потесниться и в конце концов оказались задвинутыми на самый дальний конец.

Неискушенный ум Пери беспомощно барахтался в потоках слов и эмоций, наполняющих дом. Из того, чему ее так настойчиво учили, она поняла, что Аллах един и никакого другого Бога нет и быть не может. Но она не могла поверить, что религиозные учения, горячо почитаемые ее матерью и столь же горячо ниспровергаемые отцом, исходят от одного и того же Бога. Этого просто не могло быть. И если Бог все же един, как могло случиться, что два человека

воспринимают Его совершенно по-разному? А ведь эти два человека некогда были соединены узами брака, и, хотя они более не делят постель, супружеские узы по-прежнему остаются в силе.

Растерянная и встревоженная, Пери смотрела, как люди, которых она любила, разрывают друг друга на куски. Она рано поняла, что из всех битв, происходящих на этой земле, больше всего страданий доставляют людям семейные битвы, а среди семейных битв нет более яростных, чем те, где причиной размолвки становится Бог.

Нож

Стамбул, 2016 год

Вскоре Пери увидела впереди попрошайек, стащивших ее сумочку. Они бежали со всех ног, но она бежала быстрее. Пери поверить не могла в свою удачу, если только это действительно была удача. Преследуя похитителей, она свернула в узкий мощный переулок, в котором царил вечный полумрак, и тут же остановилась, с трудом переводя дыхание.

Дети стояли рядом с каким-то мужчиной. Вглядевшись, Пери узнала в нем того самого бродягу, который поднял брошенный ею окурок. Она сделала шаг в их сторону, но совершенно не представляла, что им сказать. В погоню она бросилась не раздумывая и теперь не знала, как поступить.

Бродяга безмятежно улыбался, словно радуясь встрече с ней. Вблизи он выглядел по-другому: красиво очерченные скулы, молодой блеск чернильно-черных глаз. Если бы не потрепанный вид, можно было бы сказать, что он не лишен привлекательности. В руке он держал сумочку Пери, ласково поглаживая ее, словно вновь обретенную возлюбленную.

– Это мое, – проглотив ком в горле, хрипло произнесла Пери.

Он щелкнул замком, перевернул сумочку и хорошенько потряхнул ее. Содержимое высыпалось на землю: ключи от дома, помада, тушь, карандаш для глаз, крошечный флакончик духов, телефон, упаковка бумажных платков, солнечные очки, щетка для волос, тампоны... И кожаный бумажник. Его бродяга проворно схватил. Вывернув бумажник, он извлек оттуда пачку банкнот, кредитные карточки, женский ID розового цвета, водительские права и несколько семейных фотографий. Сунул в карман деньги и телефон, все остальное оставил без внимания. При этом он насвистывал какую-то жизнерадостную беззаботную мелодию из тех, что можно услышать в старом музыкальном автомате. Бродяга уже собирался швырнуть бумажник на землю, когда что-то привлекло его взгляд. Фотография, сделанная поляроидом много лет назад и спрятанная в потайное отделение. Напоминание о давно минувшем.

Вскинув бровь, нищий уставился на фотографию. На ней были запечатлены четверо: мужчина и три молодые женщины. Профессор и его студентки. Закутанные в пальто, шапки и шарфы, они стояли спиной к зданию Бодлианской библиотеки в Оксфорде, тесно прижимаясь друг к другу, чтобы хоть немного согреться, – тот день был одним из самых холодных за всю зиму.

Бродяга поднял голову и с ухмылкой взглянул на Пери. Судя по всему, он видел Оксфорд в кино или на газетных снимках и теперь узнал его. А может, он догадался, что одна из девушек на снимке и есть та женщина, что стоит перед ним. Конечно, за минувшие годы она располнела, у нее появились морщины, волосы почти перестали виться, к тому же были коротко подстрижены. Но глаза у нее остались прежние, с грустинкой, спрятанной в глубине. Нищий пренебрежительно отбросил фотографию.

Наблюдая, как поляроидный снимок, немного покружив в воздухе, опустился на землю, Пери сморщилась, словно фотография была живой и могла испытать боль от падения.

В следующее мгновение, обретя дар речи, она принялась орать, пугая бродягу полицией, жандармерией и собственным мужем, которые вот-вот придут к ней на помощь. Она размахивала рукой, демонстрируя обручальное кольцо, мучительно сознавая при этом, что девушка, которой она была когда-то, подняла бы ее за это на смех. В самом деле, нелепо выставлять напоказ символ своего семейного положения, надеясь внушить кому-то почтительный трепет. На мужчину, впрочем, ни ее кольцо, ни ее угрозы не произвели ни малейшего впечатления. Едва освещенный скудным светом, переулок был совершенно пуст.

Судя по тому, каким слабым был доносившийся сюда шум машин, оживленные улицы остались далеко. Внезапно Пери охватил страх.

Бродяга не двигался с места. Было так тихо, что Пери казалось, она слышит, как возится мышь в ближайшей мусорной куче. Возможно, она слышала даже, как бьется мышинное сердце, крохотное, как фисташковый орех. Даже стамбульские кошки, похоже, обходили стороной этот переулок, затерянный на окраине города и, как ей казалось, на окраине мира.

Меж тем мужчина неспешно сунул руку в карман пальто и извлек что-то наружу. Это был пластиковый пакет, а в нем – крошечный тюбик клея. Взяв тюбик, он выдавил все его содержимое в пакет. Затем надул пакет воздухом, превратив в небольшой шар. Блаженно улыбнулся, любуясь своим произведением, чудесным стеклянным шаром, в котором каждая снежинка была жемчужной или бриллиантовой. Прижал тюбик к носу и несколько раз глубоко вдохнул. Когда он вновь поднял голову, на лице его застыло отсутствующее выражение. Токсикоман, догадалась Пери. Она заметила, что белки его глаз испещрены красными прожилками лопнувших сосудов, напоминающими трещины на пересохшей земле. Внутренний голос приказывал ей немедленно вернуться к машине, где ждала дочь. Но она не двигалась с места, словно клей, который вдыхал бродяга, намертво прилепил к земле ее подошвы.

Бродяга протянул пакет одной из девочек, та схватила его трясущимися от радости руками. Несколько раз она шумно вдохнула. Другая девочка ждала своей очереди, нетерпеливо покусывая губу. Клей, неиссякаемый источник наслаждений для беспризорных детей и несовершеннолетних проституток, волшебный ковер, который, поднявшись над куполами и небоскребами, уносит их, легких, как перышки, в дальнее королевство, где нет ни боли, ни тюрем, ни сутенеров. В королевство, жителям которого неведом страх, ибо для страха нет причин. Они гуляют по садам этого Эдема, срывая с деревьев сочные плоды. Не зная ни голода, ни холода, они охотятся на драконов, насмехаются над великанами и запихивают вырвавшихся на свободу джиннов обратно в бутылки.

Но за удовольствия, как известно, приходится платить. Пары клея растворяют мембраны клеток мозга, разрушают нервную систему, печень и почки, превращая человека в жалкую развалину.

– Я сейчас позвоню в полицию! – услышала Пери свой голос, излишне громкий и резкий. Глупо, очень глупо, тут же оборвала она себя и добавила: – Моя дочь уже

позвонила. Они будут здесь с минуты на минуту.

Бродяга поднялся на ноги. Движения его были нарочито медлительны, словно он давал ей время одуматься, а иначе придется пенять на саму себя.

Дети куда-то исчезли. Когда это произошло, Пери не заметила. В одном можно было не сомневаться: уйти им приказал нищий. Он, несомненно, был султаном городских задворков, императором свалок и выгребных ям, полновластным владельцем мусорных приисков. Не столько его лицо, сколько достоинство, с которым он держался, неожиданно напомнили ей одного человека из ее прошлого, о ком она запрещала себе думать и кого любила, как никого другого.

Пери с усилием оторвала взгляд от бродяги и посмотрела на снимок. Это была одна из немногих оксфордских фотографий, которые она хранила до сих пор, и единственная, где был запечатлен профессор Азур. Расстаться с ней она не могла.

Вновь взглянув на бродягу, она с содроганием увидела, что у того идет кровь из носа. Крупные, неестественно яркие капли падали ему на грудь. Он медленно шел к ней, словно не замечая этого. А когда перед ее глазами мелькнул холодный блеск стали, она закричала, не узнавая собственный голос.

Игрушка

Стамбул, 1980-е годы

Они пришли в пятницу ночью. Подобно совам, они ждали, пока вечер не накроет город черным покрывалом, и лишь тогда выходили на охоту. Мать Пери допоздна готовила запеченную ногу ягненка с листьями мяты, свое коронное блюдо, поэтому легла спать за полночь и стука в дверь не услышала. К тому времени, когда она проснулась, полицейские уже ворвались в дом и обыскивали комнату ее сыновей. После той кошмарной ночи Сельма, терзаемая чувством вины, стала мучиться бессонницей.

Хотя полицейские перерыли все вверх дном, по их поведению было ясно, что интересуется их старший сын – Умут. Ему приказали стоять в углу, далеко от всех, и запретили даже переглядываться с родными. Семилетней Пери было ужасно жаль брата. Она никогда не говорила об этом вслух, но Умут был ее любимцем. Когда он улыбался, вокруг его золотисто-карих глаз собирались легкие морщинки, а высокий чистый лоб придавал лицу редко свойственную его годам мудрость. Как и Пери, Умут при малейшем смущении вспыхивал румянцем. Но, в отличие от нее, он всегда был в хорошем настроении, словно само имя, означающее «надежда», определило его характер. Несмотря на разницу в возрасте, Умут всегда уделял Пери много внимания, часами играл с ней, изображая то принца, похищенного врагами, то злобного колдуна, восседающего на вершине горы Каф, – в общем, все, что требовалось по сюжету очередной игры.

Поступив в университет, где он должен был получить специальность инженера-химика, Умут несколько отдалился от сестры. Он отрастил длинные усы, как у моржа, и развесил по стенам фотографии людей, которых Пери никогда не видела: какого-то седобородого старика, мужчины в круглых очках, с открытым лицом, и еще одного мужчины в черном берете, из-под которого выбивались буйные пряди волос. Был и портрет женщины с изящно заколотыми волосами, в белой шляпке. Когда Пери спросила, кто все эти люди, брат охотно объяснил:

– Это Маркс, рядом Антонио Грамши. А тот, что в берете, – камрад Че.

– А-а, – протянула Пери.

Имена не говорили ей ровным счетом ничего, но почтительность, звучащая в голосе брата, невольно передалась и ей.

– А это? – указала она на фотографию женщины. – Кто она такая?

– Роза.

– Как бы я хотела, чтобы меня тоже звали Роза.

– Твое имя красивее, уж поверь мне, – улыбнулся Умут. – Но если хочешь, я буду называть тебя Роза-Пери. Может быть, ты тоже станешь революционеркой.

– А что такое революционерка?

Умут замешкался, подыскивая подходящее объяснение:

– Революционеры – это люди, которые хотят, чтобы у всех детей были игрушки, но ни у кого не было бы их слишком много.

– А-а, – вновь протянула Пери, на этот раз неуверенно. Первая часть такой программы ей нравилась, вторая – не очень.

– А слишком много – это сколько? – решила уточнить она.

В ответ Умут лишь расхохотался и погладил ее по голове.

И вот теперь Пери наблюдала, как полисмены срывают фотографии со стен. Потом они принялись за книжные полки. Все книги принадлежали Умуту. Хакан не был большим охотником до чтения. «Манифест Коммунистической партии» Карла Маркса, «Положение рабочего класса в Англии» Фридриха Энгельса, «Перманентная революция» Льва Троцкого, «Утопия» Томаса Мора, «Памяти Каталонии» Джорджа Оруэлла... Пролистав очередную книгу, полицейские разочарованно отбрасывали ее прочь. Судя по всему, они искали какие-то письма или заметки. Так ничего и не обнаружив, они все же заявили, что книги будут конфискованы.

– Зачем ты читаешь всю эту муру? – Полицейский схватил одну из книг – «Поцелуй женщины-паука» – и потряс ею в воздухе. – Ты турок, мусульманин. Твой отец – турок и мусульманин. Твоя мать – турчанка и мусульманка. За тобой стоят поколения предков. Что для тебя может значить вся эта иностранщина?

Умут молчал, глядя на свои босые ноги. Его ровные, круглые пальцы прижимались друг к другу, словно ища защиты.

– Если у этих чертовых западников есть проблемы, нас они не касаются! – продолжал полицейский. – В нашей стране все живут счастливо. У нас нет никаких общественных классов. Мы даже не знаем, что это такое. Ты слышал когда-нибудь, чтобы кто-то спрашивал: «Эй, а ты к какому классу принадлежишь?» Конечно нет! Мы все турки и все мусульмане. Это нас

объединяет. Общая религия, общая национальность. Все общее. Что тут неясного? – Полицейский подошел к Умуту поближе и наклонил голову, словно обнюхивая его. – В этой стране было три военных переворота, чтобы наконец прекратилась вся эта хренотень, а теперь такие, как ты, снова мутят воду! Зря ты думаешь, что это сойдет тебе с рук. Твои книги – ложь, и ничего больше. Они написаны ядом! Скажи, ты отравился этим ядом? Отвечай! – (Умут молчал.) – Я задал тебе вопрос, придурок! – раздувая ноздри, заорал полицейский. – Отвечай, эти книги отравили тебя своим ядом?

– Нет, – едва слышно проронил Умут.

– А я думаю, что да, – покачал головой полицейский. – Вид у тебя точно как у отравленного.

Обыск продолжался. Полицейские перетрясли матрацы, вывернули наружу все содержимое шкафов и комодов, заглянули даже в дровяную печь. Они не пропускали ни одного закутка. Однако ничего достойного внимания найти не удавалось, и это усиливало их злость.

– Эти мерзавцы умеют прятать. Переворошите весь дом! – приказал старший.

Он курил одну сигарету за другой, стряхивая пепел на пол.

– Простите... но что именно вы ищете? – подал голос Менсур, вместе со всей семьей стоявший на другом конце комнаты. Растрепанный, в измятой полосатой пижаме, он выглядел жалким.

– А ты что, не знаешь? – рявкнул инспектор. – Когда найдем, я засуну это тебе в задницу!

Пери, поморщившись, сжала руку отца. Но взгляд ее был неотрывно прикован к брату. С замиранием сердца она смотрела, как все больше бледнеет его лицо.

Полицейские перевернули с ног на голову все остальные комнаты, ванную, туалет, кладовку, где стояли банки с маринованными огурцами и сушеной окрой. Из кухни доносился треск открываемых ящиков, звон посуды и столовых приборов. На полках, прежде содержавшихся в безупречном порядке, теперь

царил хаос. Прошел час, а может, и больше. На свинцовом ночном небе блеснул робкий луч рассвета, похожий на первый младенческий зуб, просвечивающий сквозь десну.

– А вещи девчонки проверили? – спросил инспектор. Он швырнул окурок на пол и раздавил его каблуком. – Перетрясите все ее игрушки.

Сельма, не сводя глаз с ковра, который она чистила каждое утро, рискнула вмешаться.

– Произошла какая-то ошибка, эфенди. Мы уважаемая, религиозная семья.

Не удостоив ее даже взглядом, инспектор повернулся к Пери:

– Девочка, где твои игрушки? Покажи нам.

Пери посмотрела на него расширенными от удивления глазами. Почему все – и революционеры, и полицейские – интересуются ее игрушками, которых вовсе не так уж много?

– Не скажу, – заявила она.

Менсур, по-прежнему державший Пери за руку, притянул ее к себе и прошептал:

– Не спорь с ними. Пусть видят, что нам нечего скрывать. – Не обращаясь ни к кому конкретно, он произнес: – Игрушки хранятся в ящике под ее кроватью.

Через несколько минут, когда инспектор в сопровождении своих подчиненных вышел из ее комнаты, Пери поняла, что злорадное выражение его лица не предвещает ничего хорошего. На предмет, который он держал в руках, она поначалу не обратила внимания.

– Так-так... Ну и что вы на это скажете?

Раньше Пери видела пистолет только по телевизору. В отличие от телевизионных, этот выглядел совсем маленьким и безопасным. На мгновение ей даже показалось, что он сделан из шоколада.

– Лежал в кукольной колыбельке. Вместе с куклой! Ловко придумано!

– Клянусь святым Кораном, мы ничего об этом не знали! – дрожащим голосом проговорила Сельма.

– Конечно, женщина, ты ничего об этом не знала, – усмехнулся инспектор. – Зато твой сын хорошо знал.

– Это не мой, – пробормотал Умут, и на его щеках вспыхнули красные пятна. – Меня попросили поддержать его у себя несколько дней. Завтра я должен вернуть его.

– Кому? Чей это пистолет? – спросил довольный инспектор.

Умут тяжело вздохнул и погрузился в молчание.

С улицы донесся крик муэдзина, вызывающего с минарета ближайшей мечети:

– Нет Бога, кроме Аллаха. Молитва лучше сна.

– Все, поехали, – сказал инспектор. – Берите его.

Менсур, который при виде пистолета лишился дара речи, вышел из оцепенения и залепетал:

– Я уверен, все выяснится. Мой сын – хороший мальчик. Он никогда никому не причинял зла.

Инспектор, уже направлявшийся к дверям, резко повернулся:

– Всякий раз одно и то же. Сначала родители плохо смотрят за своими детьми и позволяют им водить дружбу с коммунистическими отморозками, а потом, когда детки вляпаются в дерьмо, начинают хныкать и причитать. И зачем только ты нарожал детей, если не умеешь их воспитывать, чертов недоумок?! Таких, как ты, следует кастрировать!

Грубым движением инспектор схватил пижамные штаны Менсура и сдернул их до колен, обнажив белоснежное, хотя и поношенное белье. Двое полицейских захихикали. Остальные наблюдали за происходящим с непроницаемыми лицами.

Пери почувствовала, как рука отца ослабела, пальцы стали холодными и вялыми, как у мертвеца, ожидающего вскрытия. Ее отец, которого она любила до обожания с того дня, как произнесла свое первое слово, перед которым благоговела и трепетала, безропотно принял унижение. Когда он трясущимися пальцами подтянул пижамные штаны, полицейские уже скрылись за дверями. Умута они увели с собой.

* * *

Семь недель Умут находился в одиночном заключении, и никто из близких не мог с ним увидеться. Ему было предъявлено обвинение в том, что он состоит членом нелегальной организации. Умут признался, что пистолет принадлежит ему, после того как его, раздетого донага, с завязанными глазами, привязали ремнями к койке и подвергли электрошоку. Когда электроды прикрепили к его яичкам, а напряжение увеличили вдвое, он признался, что является руководителем ячейки, которая замышляла серию убийств высших государственных чиновников. Резкий запах паленой плоти, кислый запах крови, едкий запах мочи смешивались с коричневым запахом жевательной резинки, которую беспрестанно жевал его главный мучитель, офицер по прозвищу Хасан Шланг. Прозвище свое он получил после того, как придумал весьма эффективную пытку самым обычным садовым шлангом.

Всякий раз, когда Умут терял сознание, его обливали сначала холодной водой, а потом – соленой, усиливающей проводимость тока. Утром те же полицейские оказывали ему медицинскую помощь, чтобы после обеда продолжить истязания. Смазывая его раны мазью, Хасан Шланг сетовал, что зарплата у него маленькая, а работать часто приходится сверхурочно. Как-то раз он поведал даже, что его дочь сбежала с женатым мужчиной, у которого есть дети. Через полгода беглецы вернулись, так как остались без средств к существованию. Оскорбленный отец мог бы убить их тут же на месте, но решил их пощадить. Как и многие профессиональные мучители, он был добр и заботлив со своими родными, подобострастно вежлив с начальством и жесток со всеми остальными.

Между пытками Умут был вынужден слушать вопли других заключенных – точно так же, как им приходилось слушать его крики. Вновь и вновь из динамиков доносились звуки национального гимна. Один раз во время действия электрошока ему забыли сунуть в рот полотенце – простая оплошность, в результате которой он едва не откусил себе язык. После этого он долго не мог нормально есть, ощущая вкус пищи, лишь проглотив ее.

Хотя в прессе утверждалось, что практика пыток, широко применяемых в тюрьмах, следственных изоляторах и колониях для малолетних преступников, после военного переворота 1980 года осталась в прошлом, на самом деле все шло по-прежнему. Старые привычки отмирают медленно. Хотя, конечно, кое-какие перемены происходили. Фалака для битья по босым стопам уступила место многочасовому подвешиванию за ноги – преимущество этого метода состояло в том, что он почти не оставлял на теле следов. Прижигание кожи окурками, вырывание ногтей и здоровых зубов также были признаны устаревшими. Электрошок оказался не менее эффективным, он занимал мало времени и тоже почти не оставлял следов. Добиться неплохих результатов удавалось также, заставляя арестантов есть собственные экскременты, пить мочу или помещая их в выгребные баки. Никаких видимых следов насилия. Докучливым журналистам или западным борцам за права человека, если они вдруг нагрянут без предупреждения, не за что будет зацепиться.

В конце концов Умут был приговорен к восьми годам и четырем месяцам тюремного заключения, без права досрочного освобождения.

После того как приговор был оглашен, члены семьи Налбантоглу начали регулярно посещать тюрьму, расположенную на окраине Стамбула. В зависимости от обстоятельств они отправлялись туда в различных комбинациях: Менсур с сыном, Сельма с дочерью, Менсур с дочерью, Сельма с сыном. Но Менсур и Сельма никогда не приезжали вдвоем. Вместе с десятками других посетителей они сидели у широкого пластикового стола, положив на него руки. Согласно инструкции, руки должны были находиться на виду у охранников, чтобы посетители не имели возможности передать что-нибудь заключенному. Разговор часто прерывался, слова застревали в горле, и они пытались скрасить томительно длинные паузы, растягивая губы в улыбках, не отражавшихся в глазах.

Как-то раз, когда Умут встал, чтобы уйти, отец заметил на его арестантских штанах кровавое пятно, размером и формой напоминавшее ивовый лист. Пятно

это оставила пытка под названием «Кровавая кола». Она заключалась в том, что раздетого арестанта заставляли садиться на бутылку из-под кока-колы. Пытку эту применяли только к «избранным», в число которых, помимо политических заключенных, входили гомосексуалисты и транссвеститы, схваченные во время уличных облав.

Менсур в ужасе уставился на пятно. И как он ни старался держать себя в руках, с его губ сорвался приглушенный крик. К счастью, Умут ничего не услышал. Зато услышала Пери, сопровождавшая отца в тот день. После этого случая отец запретил дочери бывать в тюрьме. Ей оставалось только писать брату. Надо, чтобы письма были полны радости и вселяли в него веру и надежду, сказал отец. Лучше всего описывать в них какие-нибудь трогательные и веселые истории. Пери старалась изо всех сил, рассказывая о людях, которых не знала, и о происшествиях, которых не было в действительности. Умут, чувствуя ложь, никогда не отвечал ей.

Она часто видела брата во сне и просыпалась посреди ночи от собственных криков. Иногда после этого ей удавалось уснуть вновь. Но когда сон не шел, она вставала с кровати, залезала в шкаф и плотно закрывала дверь, пытаясь понять, что чувствует арестант в тесной камере. Сидя в темноте, она прислушивалась к биению своего сердца и воображала, что брат ее здесь, рядом с ней, они оба дышат и запас кислорода в этом замкнутом пространстве вот-вот иссякнет.

* * *

Трагедия с Умутом, вместо того чтобы сплотить семью, разобщила ее еще больше. Теперь супруги Налбантоглу пребывали в состоянии бессловесной вражды. Менсур во всем обвинял жену. Он целыми днями работал и не мог уследить за сыном – это была обязанность Сельмы. Если бы она проводила меньше времени с религиозными фанатиками и была бы повнимательнее к своим детям, то катастрофы, возможно, удалось бы избежать. Сельма, ставшая замкнутой и угрюмой, в свою очередь, считала, что во всем виноват муж. Это он посеял в душах сыновей губительные семена безбожия. Именно его свободомыслие и материалистические рассуждения в результате привели к несчастью.

С течением лет брак Менсура и Сельмы, подобно ореху, выгнил изнутри. Теперь орех раскололся на две половинки. Атмосфера в доме становилась все более

тягостной, словно воздух насквозь пропитался грустью, царившей в их душах. Пери даже казалось, что пчелы и бабочки, порой залетающие в дом через открытые окна, в ужасе спешат вылететь обратно. Даже ненасытные комары не желали сосать кровь членов семейства Налбантоглу, как видно опасаясь заразиться от них печалью. В фильмах и мультиках, которые смотрела Пери, простые смертные, ужаленные пауком или шершнем, превращались в супергероев и вели жизнь, наполненную приключениями и подвигами. В их случае все происходило наоборот. Блохи и клопы, отведав крови Налбантоглу, превращались в людей, изнывающих под бременем уныния и одиночества.

Именно в ту пору отношения Пери с Аллахом претерпели существенные изменения. Она перестала молиться на сон грядущий, пренебрегая наставлениями матери, но и стать полностью равнодушной к Всемогущему, несмотря на совет отца, тоже не могла. Боль и тоску, скрываемую от родителей, Пери вкладывала в слова упрека, которые запускала в небо, точно пушечные ядра.

Она начала браниться с Богом.

Пери спорила с Ним обо всем, задавала вопросы, на которые Ему уж точно трудно будет найти ответ. Очень несправедливо с Его стороны посылать несчастья людям, которые их не заслужили, заявляла Пери. Он что, не слышит и не видит, что творится за тюремными стенами? Если нет, значит Его напрасно называют всемогущим и вездесущим. А если Он все видит и слышит и при этом не приходит на помощь страждущим, значит Его напрасно называют милосердным. В любом случае Он не таков, каким Его считают люди. Иными словами, Он обманщик.

Злоба на мать и ее учителя Узумбаза-эфенди, недовольство отцом с его вечным пьянством, жалость к одному из братьев и раздражение, которое вызывал в ней второй, – все те чувства, которые она не могла выплеснуть наружу, смешивались в ее душе в подобие вязкого, липкого теста. Из этого теста на медленном огне мучительных размышлений о Боге выпекался каравай, подгоревший с одной стороны и непропеченный с другой. В то время как ее сверстники, беззаботные и легкомысленные, словно воздушные змеи, играли на улицах, болтали о школьных делах и радовались каждому новому дню, задумчивая, молчаливая девочка Назпери Налбантоглу выясняла отношения с Богом.

«Бог» – простое слово с неясным значением. Бог, близкий до такой степени, что Ему известны все твои дела и даже помыслы, но в то же время недостижимый. Пери была полна решимости найти к Нему путь. В результате долгих размышлений она пришла к выводу, что должна как-то соединить Бога, в которого верит мать, с Богом, в которого верит отец. Если она сумеет это сделать, в отношениях между родителями воцарится гармония. Достичь соглашения в вопросе о том, что есть Бог, – вот цель, к которой необходимо стремиться не только семье Налбантоглу, но и всему миру.

Но пока Бог оставался лабиринтом, у которого не было схемы, кругом, лишенным центра, разрозненными кусочками пазла, которые невозможно собрать воедино. О, если бы она смогла решить эту задачу, придать смысл бессмысленности, разум безумию, порядок хаосу! Тогда она, возможно, научилась бы быть счастливой.

Записная книжка

Стамбул, 1980-е годы

– Иди сюда, посиди со мной, – попросил дочь Менсур в один из тех редких вечеров, когда за столом не было его гостей.

Пери с радостью выполнила просьбу отца. Она очень скучала по нему. Хотя они жили под одной крышей, их словно разделяло огромное расстояние. Отец, погруженный в раздумья, превратился в оболочку того человека, каким был до ареста Умута.

– Давай-ка я расскажу тебе одну историю, – предложил Менсур. – Когда-то в Стамбуле жил музыкант, игравший на тростниковой флейте. Он был суфием, но отличался весьма своеобразными взглядами. Всякий раз при виде бутылки вина или раки он вопрошал окружающих: «Разве вы не знаете, что капля этой жидкости полна греха?» Затем он открывал бутылку, совал туда палец, держал несколько секунд, вытаскивал и стряхивал. «Я извлек эту греховную каплю! – объявлял он. – Теперь можем спокойно пить».

Менсур рассмеялся над собственными словами – тихим, печальным смехом.

Пери внимательно смотрела на отца, чувствуя его одинокий протест. Но против чего? Или кого?

– Баба?, а можно мне попробовать это? – неуверенно спросила она.

– Что? Ты хочешь попробовать раки?

Пери кивнула. Еще минуту назад ей совсем не хотелось раки, но сейчас она поняла, что действительно хочет этого. Пусть и таким способом, но она сможет стать ближе к отцу.

– Нет, нельзя, – покачал головой Менсур. – Тебе всего семь лет!

– Восемь, – поправила его Пери. – В этом месяце будет восемь.

– Ну что ж, я всегда говорил: лучше, если ребенок впервые попробует алкоголь дома, с родителями, чем тайком от них, в какой-нибудь уличной компании. Конечно, следовало бы дождаться твоего восемнадцатилетия, – пробормотал он, – но как знать, может, к тому времени алкоголь вообще запретят стараниями этих чокнутых религиозных фанатиков. И бутылку раки можно будет увидеть разве что на какой-нибудь выставке, посвященной человеческому безумию. Рядом с нацистской формой и современным искусством. Так что, может быть, тебе стоит сделать маленький глоточек, пока не поздно.

Рассуждая подобным образом, Менсур наполнил стакан водой и щедро плеснул туда раки. Пери, как зачарованная, наблюдала за тем, как алкоголь смешивается с водой, а отец с нежностью наблюдал за ней:

– Видишь эти капли? Они подобны мне и моим друзьям. Мы тоже растворяемся в море людского невежества. – Менсур поднял свой стакан и произнес: – Шерефе![4 - За тебя! (тур.)]

Пери, польщенная тем, что с ней обращаются как со взрослой, расплылась в улыбке:

– Шерефе!

– Если твоя мать нас увидит, то сдерет с меня шкуру! – усмехнулся Менсур.

Пери торопливо сделала большой глоток, и лицо ее исказила гримаса отвращения. Вкус показался ей просто ужасным. Ничего более омерзительного она никогда не пробовала. Анисовая горечь обожгла язык, в носу защипало, из глаз брызнули слезы. И как только отец может пить эту дрянь каждый вечер с таким удовольствием?

– Обещай никогда не верить глупостям, которые придумывают старые бабки! – сказал Менсур, не обративший на реакцию дочери никакого внимания. – Понимаешь, что я имею в виду?

– Да-да, – закивала Пери и схватила кусок хлеба, надеясь заглушить горький вкус во рту. – Я знаю, про что ты! Если перепрыгнуть через ребенка, он перестанет расти. Если разобьешь костяшку на пальце, повредишь крылья ангела. Если свистишь в темноте, призываешь сатану.

– Правильно! Никогда не слушай подобной ерунды. Знаешь, с годами я выработал для себя одно правило и тебе советую ему следовать. Никогда не верь тому, чего не видела собственными глазами, не слышала собственными ушами, не трогала собственными руками, не постигала собственным умом. Обещаешь?

– Обещаю! – выпалила Пери, полная желания угодить отцу.

Довольный Менсур назидательно воздел вверх указательный палец:

– Образование – вот что нас спасет! Это единственный путь вперед. Ты должна поступить в лучший в мире университет. – Он помолчал, словно решая, какой именно университет достоин звания лучшего. – Среди моих детей только ты одна способна это сделать. Обещай мне, что будешь стараться. Обещай, что не поддашься невежеству. Даешь слово?

– Конечно даю!

– Есть только одна проблема, – вздохнул Менсур. – Мужчины сторонятся слишком умных и слишком образованных женщин. А мне бы не хотелось, чтобы ты умерла старой девой.

– Нет, папочка, я не хочу замуж. Я лучше останусь с тобой!

Менсур расхохотался:

– Поверь мне, очень скоро ты передумаешь. Но никогда не отдавай свое сердце человеку, равнодушному к науке и образованию. Обещаешь?

– Обещаю! – Внезапно Пери осенила новая мысль. – Баба, а как же Бог? Его никто не видел, не слышал, не трогал... Почему же люди должны в Него верить?

Взгляд Менсура погрузнел.

– Скажу тебе по секрету, во всех вопросах, связанных с Богом, взрослые так же несведущи, как и дети.

– Но Бог есть? – настаивала Пери.

– Надеюсь, что есть. Если я встречу Его в ином мире, прежде чем Он отошлет меня в ад, я спрошу Его, где Он пропадал все это время. Люди слишком долго были предоставлены сами себе!

Менсур отправил в рот кусок сыра и принялся энергично жевать.

– Баба... А почему Аллах не поможет Умуту? Почему Он допустил, чтобы Умута посадили в тюрьму?

– Не знаю, душа моя, – вздохнул отец, и его кадык несколько раз судорожно дернулся.

Повисло молчание. Пери смущенно буравила ковер носком домашней тапочки. Она чувствовала, что лучше сменить тему. Упоминание о старшем брате, словно тучка, набежавшая на бледную луну, сделало отца, и без того пребывавшего в унынии, еще более печальным.

– Баба, но почему ты думаешь, что Бог отправит тебя в ад?

С самого раннего детства Пери без конца слышала о мучениях, ожидающих грешников в аду. Мысль о том, что отец может оказаться в этой обители проклятых, где кипят жуткие котлы и черные ангелы, именуемые забаният, раздувают неугасимое пламя, привела ее в ужас.

– А ты считаешь, мне место в раю? – вскинул бровь Менсур. – Честно говоря, я сам не знаю, как Он поступит. Если у Бога нет чувства юмора, мне, конечно, прямая дорога в ад. Ну а если с юмором у Него не так плохо, есть надежда, что мы с тобой встретимся в раю. Говорят, там отлично живется – текут целые реки самого лучшего вина.

Подобные рассуждения не слишком успокоили Пери.

– А что, если Аллах суров, как всегда говорит мама? – прошептала она.

– Не переживай! Мы пустим в ход план «Б»! Когда будешь меня хоронить, не забудь положить в могилу мотыгу. В какую бы преисподнюю ни отправил меня Бог, я прорую туннель и выберусь.

Пери с изумлением уставилась на отца:

– Но ад ведь очень глубоко! Мама говорит, если бросить камешек, он будет лететь до дна семьдесят лет.

– Твоя мама чего только не наговорит! – вздохнул Менсур. – Одно хорошо – земной час в том мире всего лишь минута. Рано или поздно я выберусь и найду тебя. – Лицо его просветлело. – О, совсем забыл! У меня же кое-что для тебя есть!

Менсур достал из своей кожаной сумки серебристую коробочку, перевязанную золотой лентой.

– Это мне? – Пери восхищенно разглядывала коробку.

– Конечно тебе! Не хочешь открыть?

Внутри оказалась записная книжка. Сшитая вручную и очень красивая, в бирюзовом переплете, украшенном бисером и блестками.

– Я знаю, ты много думаешь о Боге, – задумчиво произнес Менсур. – Увы, я не могу дать ответ на все твои вопросы. Поверь, этого не может ни один человек на свете, включая твою маму и ее чокнутого проповедника. – Менсур одним глотком допил раки, остававшуюся на дне стакана. – Я не большой охотник до религии и ее ярых приверженцев. Но Бог вызывает у меня симпатию. Знаешь почему? – (Пери покачала головой.) – Потому что Он одинок, душа моя. Так же одинок, как я... как ты... Ему не с кем поговорить, за исключением, может быть, нескольких ангелов, но разве с херувимами повеселишься? Миллиарды людей молятся Ему: «Пошли мне победу, пошли мне денег, пошли мне красный „феррари“, пошли мне сам не знаю что». Денно и ночью Его засыпают просьбами, но никто не дает себе труда познать Его. – Менсур вертел в пальцах стакан, в глазах его вновь светилась грусть. – Вспомни, как реагируют люди, ставшие свидетелями несчастного случая на дороге? Первое, что они говорят: «Спаси Аллах!» Немыслимо! Они думают о себе, а не о жертвах. Все людские молитвы похожи одна на другую. «Господи, спаси меня, защити меня, поддержи меня...» Это называют благочестием, а по-моему – это чистейшей воды эгоизм.

Пери слушала, склонив голову набок. Ей очень хотелось утешить отца, но она не знала, как это сделать. В доме царила тишина, столь глубокая, что можно было расслышать малейшее движение воздуха. А что, если мать, лежа в своей спальне, слышит их разговор, пришло в голову Пери. Интересно, что она подумает?

– С сегодняшнего дня записывай в эту книжечку все свои мысли о Боге и о себе, – сказал отец.

– Это будет мой дневник?

– Да, что-то вроде того. Особенный дневник, который ты станешь вести всю жизнь.

– Всю жизнь? Но здесь не хватит страничек.

– Не хватит. Но то, что записано прежде, можно стереть. Понимаешь, душа моя? Ты будешь писать, стирать и вновь писать. Увы, я не могу подсказать тебе, как избежать черных мыслей. У меня самого это никогда не получалось. – Менсур немного помолчал и добавил: – Надеюсь, ты будешь их быстро стирать.

– И записывать новые черные мысли?

– Может быть... Но все же новые черные мысли лучше, чем старые черные мысли.

В тот же вечер, сидя на кровати, Пери открыла свой новый дневник и сделала первую запись:

Я думаю, Бог состоит из разноцветных кусочков, как конструктор лего. Иногда мне удастся построить доброго и любящего Бога. Иногда Он получается злым и мстительным. А иногда мне не удастся построить ничего.

Строй и разрушай. Пиши и стирай. Верь и сомневайся. Возможно, отец имел в виду именно это? Много лет спустя, вспоминая тот давний разговор, Пери поняла, что именно он определил ее будущий удел. Уже тогда, в детстве, она догадалась: в мире, где одни истово предаются вере, а другие столь же истово отрицают ее, она всегда будет находиться где-то посередине.

Фотография

Стамбул, 2016 год

Бродяга надвигался на Пери, поигрывая ножом так ловко и беспечно, словно показывал ей какой-то занятный трюк. Лезвие сверкнуло в нескольких дюймах от ее живота и полоснуло по правой ладони. От боли и страха она громко вскрикнула. По руке потекла кровь, оставляя пятна на лиловом шелке.

Сердце Пери колотилось под ребрами, как птица в клетке, на лбу выступили капли пота. Собрав все силы, она толкнула бродягу в грудь. От неожиданности

он потерял равновесие и качнулся. Пери воспользовалась моментом и выбила нож из его руки. Разъярившись, он ударил ее кулаком в грудь. У нее перехватило дыхание. Она подумала о дочери, которая ждет ее в машине. О двух сыновьях, которые сейчас смотрят телевизор дома. Представила, как ее муж, стоя в окружении других гостей, с беспокойством глядит на часы, недоумевая, куда она запропастилась. Глаза ее увлажнились от слез при мысли о том, что она никогда больше не увидит тех, кого любит. Какая нелепая смерть! Люди погибают, защищая свою родину, близких или свою честь. А она защищает поддельную сумочку от «Эрме» с неправильно поставленным ударением. Впрочем, какая разница. Любая смерть бессмысленна.

Бродяга нанес ей еще один удар, на этот раз в живот. Пери согнулась пополам и зашлась кашлем, чувствуя, что ее покидают последние силы.

Собрав волю в кулак, она закричала:

– Прекрати! Прекрати, пока не поздно! – Она словно унимала расшалившегося ребенка. Все тело била крупная дрожь, которую она никак не могла унять. – Послушай, – хрипло сказала она, – если ты меня убьешь или ранишь, тебе мало не покажется. Ты точно сядешь. А в тюрьме из тебя... – «Дух вышибут», хотела сказать она, но вслух произнесла другое: – Там тебе все кости переломают! Поверь, ты горько пожалеешь!

Бродяга сплюнул сквозь зубы.

– Шлюха, – процедил он. – Да кем ты себя воображаешь?

Никто и никогда не называл ее шлюхой. Слово вонзилось в мозг, как ледяная игла. Она сделала еще одну попытку, на этот раз предложив договориться по-хорошему.

– Забирай сумку, если хочешь. Я пойду своей дорогой, ты – своей.

– Шлюха! – повторил он, как заведенный.

Лицо его словно окаменело, глаза превратились в узкие щели. Невозможно было понять, что у него на уме. В конце переулочка проехала машина, огни фар на

несколько секунд рассеяли полумрак. Она хотела позвать на помощь, но машина скрылась слишком быстро. Их снова окружила сгущавшаяся темнота. Пери отступила на шаг.

В следующее мгновение бродяга схватил ее за горло и резко толкнул. Волосы ее рассыпались, заколка, которая держала стянутый на затылке пучок, с тихим стуком запрыгала по земле. Упав на спину, Пери ударилась головой об асфальт, но боли, как ни странно, не почувствовала. В вышине темнело небо – невероятно далекое, холодное и плотное, как лист металла. Она попыталась встать, опираясь об асфальт и оставляя на нем кровавые следы. Бродяга, вновь повалив Пери, взгромоздился на нее и принялся срывать с нее платье. Из его рта несло отвратительным запахом – голода, сигарет, клея. Это был запах разложения. Пери затошнило. Ей казалось, что ее насилует труп.

Подобное часто происходит в этом городе, который лежит на семи холмах, двух континентах, омывается тремя морями и насчитывает пятнадцать миллионов жителей. Это происходит за плотно закрытыми дверями и во внутренних дворах, под открытым небом; в дешевых мотелях и роскошных номерах пятизвездочных отелей; в глухие ночи и при ярком свете дня. Обитательницы городских борделей могли бы рассказать немало захватывающих историй, пожелай только кто-нибудь слушать их. В этом городе никогда не было и нет недостатка в девочках по вызову, юношах, готовых на все, и опытных проститутках, терпевших немало побоев и унижений от клиентов, которым достаточно малейшего повода, чтобы дать волю злобе. Не было и нет недостатка в транссексуалах, которым достается особенно часто. Однако они никогда не обращаются в полицию, потому что знают: там их ждет новая порция побоев. Дети в этом городе опасаются некоторых членов семьи, а молодые жены – своих свекров и братьев мужа. Служанкам и няням, отказавшимся удовлетворить желания своих распаленных похотью хозяев, как правило, приходится горько об этом сожалеть, не говоря уже о секретаршах, осмелившихся дать отпор своему боссу. Домашние хозяйки не могут рассказать о том, что творят с ними, потому что в турецком языке нет понятия «семейное насилие», хотя семей, где оно процветает, более чем достаточно. Под завесой секретности и молчания в Стамбуле, этом городе безгласных стыдливых жертв и безнаказанных насильников, каждый день происходит множество трагедий. И самые страшные оскорбления здесь терпят от близких, хотя больше всего боятся чужаков.

Прошло несколько томительно долгих минут. Ей казалось, что все это происходит не наяву, а в чьем-то кошмарном сне, куда ее заманили, как в

ловушку. Она пыталась сопротивляться. Сил у нее хватало, но бродяга, несмотря на subtilность, тоже оказался сильным. Он боднул ее в голову, и она на несколько секунд потеряла сознание. Боль была такой нестерпимой, а отчаяние – таким безысходным, что она уже готова была сдаться.

И тут краем глаза она увидела прозрачный силуэт – скорее ангельский, чем человеческий. Она сразу поняла, кто это. Дитя Тумана. Розовые щечки, ямочки на руках, пухлые ножки, вьющиеся золотистые локоны, которые еще не начали темнеть. На одной щеке – пятно цвета сливы. Очаровательный малыш, не имеющий ни плоти, ни крови. Джинн. Дух. Галлюцинация. Порождение ее воображения, охваченного ужасом. Впрочем, он уже являлся к ней прежде.

Ничего не замечавший насильник, чертыхаясь себе под нос, принялся спускать брюки. Пальцы его нетерпеливо теребили веревку, заменявшую ремень, но узел был затянут слишком туго. К тому же бродяге приходилось действовать одной рукой, второй он удерживал Пери.

Дитя Тумана хихикало от удовольствия. Взглянув на ситуацию его невинными глазами, Пери тоже сочла эту сцену смешной и расхохоталась. Расхохоталась во весь голос. Такая реакция озадачила насильника, и он на миг ослабил хватку.

– Дай помогу, – предложила Пери, кивнув на веревку.

Во взгляде бродяги мелькнула растерянность, смешанная с недоверием. На мгновение губы исказила снисходительная ухмылка. Он сделал все, чтобы ее испугать, прекрасно зная по опыту, что страх – самое могущественное оружие. Страх заставляет встать на колени самых заносчивых и высокомерных. Он отпустил ее и слегка подался в сторону.

Этого было достаточно, и Пери, не мешкая ни секунды, с силой оттолкнула его от себя. От неожиданности он повалился на спину. Она проворно вскочила и несколько раз ударила его ногой в пах. Бродяга заскулил, как раненое животное. В этот момент Пери не испытывала никаких чувств – ни гнева, ни жалости. Человек всегда учится у других. Одни люди учат нас доброте, другие – жестокости. Она не знала, оказался ли насильник, отравленный парами клея, которые уже начали в его организме свое разрушительное действие, слишком слабым, или же какая-то могучая загадочная сила неожиданно пришла ей на помощь. Ясно было одно: он в полной ее власти. Она может сделать с ним все,

что захочет.

Вложив в удар всю силу, Пери двинула его ногой в лицо. Судя по тошнотворному треску костей, она сломала ему нос. Вид крови, заливающей его лицо, не только не испугал ее, но и распалил еще больше. Уже плохо понимая, что делает, она продолжала наносить удары и руками, и ногами, словно по инерции, куда придется.

Бродяга закрывал живот руками, его грязное пальто задралось, обнажив тощий торс. Покорный и безмолвный, он лишь корчился под ее ударами, словно вдруг ощутил смертельную усталость и больше не хотел сопротивляться.

– Сукин ты сын, – приговаривала Пери.

Со времен Оксфорда она не употребляла бранных слов, но теперь они срывались у нее с языка с удивительной легкостью.

Дитя Тумана беззвучно парило в воздухе. Видение, неуловимое, как шепот, нежное, как тончайший шелк. Младенец уже не улыбался. Его черты, словно вылепленные из мягкого воска, застыли в неподвижности. Не то чтобы он осуждал происходящее. Нет, он находился за пределами подобных вещей, в иной сфере. Убедившись, что Пери более не нуждается в его помощи, он устремился прочь из этой реальности. Сгущавшийся сумрак поглотил его без следа.

Пери сразу же перестала бить бродягу. Легкий ветерок шевелил ее волосы. В вышине громко и сердито кричала чайка – быть может, потомок той самой чайки, которая проглотила язык немого поэта. На кого она злилась в этом огромном городе из людских толп и бетона?

Мужчина тяжело дышал, и каждый вздох его напоминал рыдание. Лицо его было залито кровью, губы разбиты.

«Мне очень жаль», – подумала Пери и уже едва не произнесла это вслух, как в голове вдруг раздался голос, нежный и укоряющий одновременно. «Вы по-прежнему чувствуете себя виноватой перед всеми, моя дорогая?»

Если бы профессор Азур каким-то чудом переместился сейчас в Стамбул, то наверняка сказал бы ей именно это. Как странно, прошлое врывается в нашу жизнь ровно в тот момент, когда что-то нарушает ее привычное течение. Смутные воспоминания, подавленные страхи, тщательно скрываемые тайны и чувство вины – мучительное и властное. Мир вокруг словно отступает в тень, превратившись в размытую декорацию. Так и она, внезапно отрешившись от всего остального, не замечая боли и чувствуя лишь безграничный покой, вспоминала теперь то, что, как ей казалось, сумела забыть навсегда.

Бродяга жалобно скулил. Он больше не был повелителем городских задворков, грабителем, насильником, попрошайкой... Все роли, какие ему отводила судьба, слетели, подобно шелухе, и он превратился в маленького ребенка, плачущего от страха и одиночества. Действие клеевых паров закончилось, галлюцинации развеялись, оставив лишь физическую боль.

Пери смотрела на него с чувством, близким к раскаянию. Кровь пульсировала у нее в ушах. Она была уже готова предложить бродяге помощь, когда вдруг услышала за спиной испуганный голос дочери:

– Мама, что случилось?

Она резко повернулась, с трудом возвращаясь к реальности.

– Дорогая, я же велела тебе ждать в машине.

– Сколько можно ждать! – протянула Дениз, уже собираясь осыпать мать упреками, но внезапно осеклась. – Господи боже, да у тебя кровь идет! Скажи наконец, что случилось! Ты ранена?

– Ничего страшного, – успокоила ее Пери. – У нас тут вышла небольшая потасовка.

Тем временем бродяга, казалось утративший дар речи, с усилием поднялся на ноги и заковылял прочь. Мать и дочь схватили злополучную сумочку и начали подбирать с земли ее содержимое.

– Почему у всех нормальные матери, а у меня нет? – ворчала Дениз, собирая кредитные карточки. Ответить на этот вопрос Пери не могла, поэтому даже не пыталась. – Идем отсюда скорей! – торопила Дениз.

– Подожди секунду. – Пери искала глазами фотографию, но та исчезла.

– Пойдем! – нетерпеливо повторила Дениз. – Чего нам здесь ждать?

Выйдя из переулка, они поспешили к своей машине. «Ренджровер» цвета «Небо Монте-Карло» ждал их. Как ни удивительно, машину не угнали.

Остаток пути обе провели в молчании: дочь сосредоточенно обдирала заусенцы, мать смотрела на дорогу. Лишь позднее Пери вспомнила, что они не смогли найти мобильный телефон. Возможно, бродяга унес его в своем кармане; возможно, он выпал оттуда во время схватки и до сих пор лежал в темном переулке, время от времени начиная звонить, призывая свою хозяйку. Что ж, Стамбул часто бывает глух к крикам и призывам.

Сад

Стамбул, 1980-е годы

В первый раз Пери увидела Дитя Тумана, когда ей было восемь лет. С тех пор оно прочно вошло в ее жизнь, переплелось с ней, как вьюн, обвивший молодое деревце. Видение повторялось так часто, что стало для нее привычным, не став от этого менее пугающим.

В отличие от большинства домов в квартале, дом Налбантоглу был с четырех сторон окружен буйно разросшимся садом. Все домочадцы любили проводить в нем время. Там они сушили красный перец, баклажаны и окру, развесив их на веревках, там заготавливали острый томатный соус, наполняя им многочисленные банки, а в дни Ид аль-Адха варили в котле баранью голову. Маленькая Пери старалась не смотреть в глаза барана, открытые, немигающие. У нее сжималось горло, стоило ей подумать, что в этих глазах отражается ужас,

который животное испытало перед закланием. А сама мысль о том, что сегодня вечером ее отец будет с удовольствием поесть этот деликатес, закусывая бараньими мозгами раки, едва не доводила ее до тошноты.

В саду за домом они также раскладывали только что состриженную овечью шерсть, потом ее мыли, сушили и набивали ею матрасы. Порой бывало, что клочок шерсти, подхваченный ветром, мягко опускался кому-нибудь на плечо, словно перо подстреленного голубя.

Когда Пери призналась отцу, что овечья шерсть напоминает ей об убитых птицах и что глаза мертвого барана смотрят на нее с немим укором, Менсур улыбнулся и ласково погладил ее по щеке.

– Ты чересчур чувствительна, джанимин иджи![5 - Душа моя (тур.).] Не относись к жизни слишком серьезно! – дал он дочери совет, которому никогда не следовал сам.

От остального мира сад отделял деревянный некрашеный забор, напоминающий щербатый рот, – так много досок в нем не доставало. Кроме игр с другими детьми, из всех дел, которыми можно было заниматься в саду, Пери больше всего любила коллективную чистку ковров. Она всегда с нетерпением ждала этого дня, который назначался раз в пару месяцев. Непременными условиями были хорошая погода – не слишком жарко и без дождя, – в достаточной степени грязные ковры и хорошее настроение.

В один из таких дней все ковры и половики вынесли в сад и разложили на траве, вплотную друг к другу. Сотканые вручную и фабричные, они лежали в ожидании, когда их почистят. Каждый представлял собой удивительное царство причудливых узоров и загадочных символов и превращался для счастливых детей улицы Немого Поэта, тут же затевавших на них шумную возню, в ковер-самолет, который уносил их в неведомые страны, с легкостью проносясь над морями и океанами.

В дальнем конце сада уже стоял на огне огромный котел с горячей водой. Из него черпали ведрами воду и поливали ковры, чтобы смягчить ворс. Потом ковер надо было намылить и долго тереть щеткой, после чего смыть мыло и повторить все сначала. Не все женщины принимали участие в чистке. Мать Пери, например, всегда оставалась в стороне, находя эту работу слишком грязной и скучной.

Другие же, подвернув юбки и шаровары, отдавались этому занятию с величайшим усердием – глаза их горели от сознания важности происходящего, на щеках полыхал румянец, а из-под платков выбивались непослушные пряди волос.

Дети тем временем строили дворцы из глины, ловили мух с помощью спичечных коробков, смазанных вареньем, лакомились абрикосами (непреренно разгрызая косточки) и дынями, плели венки из сосновых иголок и гонялись за рыжей кошкой, не то беременной, не то невероятно разжиревшей. Они успели исчерпать весь свой запас игр и развлечений, а грязных ковров еще оставалось предостаточно. Постепенно друзья Пери разошлись по домам, обещая вернуться позднее. А она осталась, ведь это был ее сад.

День был прекрасный – солнечный и теплый. Ветер играл в кронах деревьев, и казалось, в вышине шумит море. Женщины болтали, смеялись и пели. Некоторые отпускали скабрзные шутки, смысла которых Пери не понимала, но по хмурой складке меж материнских бровей догадывалась, что речь идет о чем-то непристойном.

После полудня женщины решили сделать перерыв и перекусить. Они достали еду, принесенную из дома: фаршированные капустные листья, бёрек с фетой, маринованные огурцы, салат с булгуром, жаренные на гриле фрикадельки, яблочные пироги. Все это выложили на огромный круглый поднос, рядом с плоскими лепешками и стаканами айрана, белого и пенистого, точно облако, на котором обитает добрый и щедрый бог.

Голодная Пери схватила бёрек, но не успела она откусить кусок, как воздух рассек чей-то отчаянный вопль. Ее мать, по обыкновению погруженная в задумчивость, толкнула котел с горячей водой. К счастью, на себя она его не опрокинула, но обварила левую руку от локтя до пальцев. Все остальные женщины, позабыв о еде, бросились к ней на помощь.

– Надо скорее опустить руку в холодную воду, – советовала одна.

– Нет, лучше смазать ожог зубной пастой! – перебивала другая.

– Уксус, вот отличное средство! Моя тетя обожгла руку еще сильнее и вылечилась уксусом.

Женщины, наперебой давая советы, повели Сельму в дом. Пери осталась одна в саду, пронизанном солнечными лучами. Тишину нарушало лишь жужжание насекомых. Увидев под фиговым деревом на другой стороне улицы рыжую кошку, сонно щурившую глаза, Пери решила ее накормить. Схватила фрикадельку и в мгновение ока перелезла через забор.

– Как тебя зовут, малышка?

Она обернулась и увидела молодого человека в рубашке в красно-белую клетку и голубых джинсах, таких грязных, будто их ни разу не стирали. На голове у него был берет, сползший на одну сторону. Пери ответила не сразу, так как хорошо знала: с незнакомцами разговаривать нельзя. Но и убегать она тоже не стала. Берет на голове незнакомца напомнил ей плакат в комнате Умута. А что, если этот человек – революционер, подумала она. Может, ему что-нибудь известно о судьбе ее брата. Тем не менее правду ему говорить не стоит, решила она и ответила:

– Меня зовут Роза.

– О, я никогда не встречал девочек с таким именем, – сказал он, щуря глаза от солнца. – Да еще таких красивых. Когда вырастешь, ты будешь разбивать сердца.

Пери молчала, хотя комплимент, пугающий и в то же время приятный, поднял в ее душе целую волну чувств, растревожив ее пробуждавшуюся женственность.

– Вижу, ты любишь кошек, – продолжал незнакомец.

Голос у него был негромкий и вкрадчивый. Уже потом, вспоминая об этой встрече, Пери сравнила голос незнакомца с фасолиной, которую она проращивала в мокрой тряпице на подоконнике: он был таким же скрытным, изменчивым и словно прорастал в чужую душу.

– Я тут недалеко только что видел кошку, которая родила пятерых котят, – сообщил он. – Малюсенькие, чуть больше мышей. А глазки у них розовые.

Пери, старательно изображая равнодушие, скормила кошке последний кусочек фрикадельки.

Парень подошел ближе, и она почувствовала исходящий от него запах табака, пота и влажной земли. Он с улыбкой опустил на корточки. Теперь глаза его находились на одном уровне с глазами Пери.

– Жаль, что кошка-мать утопит своих котят, – вздохнул он.

У нее перехватило дыхание. В поле, где паслись козы и бродили бездомные собаки, был резервуар для дождевой воды. Никто им не пользовался, так как вода там загрязнялась стоками. Она посмотрела в ту сторону, словно ожидая увидеть в грязной воде крохотные трупки несчастных котят.

– Кошки иногда так поступают, – заметил молодой человек в берете.

– Но почему? – не удержалась от вопроса Пери.

– Не любят котят с розовыми глазами, – объяснил незнакомец, запавшие и близко посаженные глаза которого были светло-карими, лицо – худым и угловатым. – Они боятся, что родили каких-то чужих детенышей. К примеру, лисят. Поэтому и убивают их.

Пери не знала, какого цвета глаза у лисят и что их матери думают по этому поводу. Во всей семье только у нее были зеленые глаза, и она порадовалась, что никто пока не увидел в этом повода для тревоги.

Молодой человек, заметив ее растерянность, погладил кошку и выпрямился:

– Пойду посмотрю, как там котята. Попробую их спасти. Не хочешь со мной?

– Кто? Я?

Это прозвучало довольно глупо, но она не знала, что еще сказать.

Незнакомец ответил не сразу, словно это она предложила ему пойти с ней, и ему требовалось время на раздумья.

– Ты, кто же еще. Если хочешь, конечно. Но обещай, что будешь очень осторожна, ведь котята совсем маленькие.

– Обещаю, – кивнула Пери.

Где-то рядом распахнулось окно, и раздался пронзительный женский голос. Мать звала сына обедать, обещая переломать ему ноги, если он не явится через минуту. Незнакомец, внезапно занервничав, огляделся по сторонам.

– Не надо, чтобы нас видели вместе, – сказал он. – Я пойду первым, а ты за мной.

– А где они, эти котята?

– Недалеко, но нам лучше проехать. Моя машина стоит за углом. – Он сделал неопределенный жест рукой и торопливо пошел вперед.

Пери заметила, что он сильно прихрамывает. Она уже хотела последовать за ним, прогнав все сомнения. Это было первое в жизни решение, которое она приняла без ведома родителей, и ее охватило пьянящее чувство свободы.

Незнакомец, то и дело оглядываясь, подошел к своей машине и сел за руль, ожидая Пери.

Но она, сделав несколько шагов, внезапно остановилась. Словно ледяной ветер вдруг коснулся ее кожи, и это странное чувство заставило ее прирасти к земле. Но больше всего ее испугало даже не это, а взявшийся из ниоткуда плотный туман. Густая серая завеса расстилалась перед ней слой за слоем, как будто продавец в галантерейной лавке развертывал рулоны ткани. Растерявшись, она сразу забыла, куда шла и зачем. Сквозь пелену виднелся только мутный силуэт ближайшего дерева, а все остальное, включая мужчину в берете и его машину, поглотил туман.

Неожиданно внутри серого облака она различила странное видение: круглое детское личико, открытое и доверчивое. На одной его щеке темнело большое темно-лиловое пятно. Из уголка рта сочилась какая-то жидкость, словно его только что немного вырвало.

– Пери, где ты? Куда ты пропала?

Откуда-то издалека до нее долетел встревоженный голос матери.

Пери не могла ответить. Сердце ее колотилось где-то в горле. Не отрывая глаз, она смотрела на Дитя Тумана. Наверное, это дух или джинн, пронеслось у нее в голове. Она много слышала об этих созданиях, состоящих из огня, который не дает дыма. Они обитали на земле задолго до того, как Бог изгнал из райского сада Адама и Еву, следовательно, именно они являются здесь истинными хозяевами. Люди пришли сюда позднее и вторглись во владения джиннов, которые ныне обитают лишь в самых отдаленных местах – в глубоких пещерах, на заснеженных горных вершинах, в безводных пустынях. Но порой они проникают в города и поселяются в вонючих туалетах, мрачных тюремных камерах, сырых подвалах. Людям следует остерегаться, чтобы не наступить на кого-нибудь из них. Того, кто по неосторожности сделает это, ожидает печальный удел. Как правило, его разбивает паралич. Возможно, именно это с ней и произошло, похолодев, подумала Пери. По крайней мере, она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой.

– Пери! Где ты, Пери? – В голосе матери слышалась неприкрытая паника.

Дитя Тумана отпрянуло, словно голос Сельмы был ему знаком. Плотная серая завеса начала рассеиваться. Вскоре силуэт ребенка растаял, как иней под лучами утреннего солнца.

– Я здесь, мама! – закричала Пери и со всех ног бросилась домой.

Сколько она ни расспрашивала соседей, не слышал ли кто-нибудь о котятках с розовыми глазами, никто ничего не знал.

* * *

Уже позднее, намного позднее она поняла, что была на волосок от того, чтобы стать еще одной героиней газетной хроники. Пусть и безымянной. А ее фотография с закрывающей глаза черной полосой была бы подписана инициалами «N. N.». В ряду других новостей – об убийстве главаря стамбульской мафии, столкновении между турецкой армией и курдскими сепаратистами на

юго-восточной границе, судебном запрете на издание в Турции книги Генри Миллера «Тропик Козерога» – эта новость была бы далеко не самой громкой. И все же, прочтя о похищении восьмилетней девочки, люди принялись бы сокрушенно качать головами, щелкать языками и стучать по дереву, благодаря Бога за то, что это случилось не с их ребенком.

Пери назвала своего таинственного спасителя Дитя Тумана и ограничилась этим, не имея ни желания, ни возможности постичь его происхождение и природу. Видение возвращалось вновь и вновь, и визиты его не подчинялись какой-либо закономерности. Дитя Тумана появлялось не только тогда, когда Пери оказывалась в опасности, но и в самые обычные, ничем не примечательные моменты. Серый туман мог появиться перед ней в доме и на улице, утром и вечером, в ненастную и солнечную погоду, словно желая раз и навсегда убедить ее в том, как беспредельно ее одиночество.

Когда в девятнадцать лет она в первый раз поехала в Оксфорд, то взяла его с собой. Таможенные правила запрещают ввозить в Англию мясные и молочные продукты из неевропейских стран, но на детские страхи и потрясения запреты не распространяются.

Ходжа

Стамбул, 1980-е годы

Неделю спустя Пери набралась смелости и открыла свой секрет отцу.

– Ты хочешь сказать, у тебя видения? – спросил Менсур, отложив в сторону газетный кроссворд.

– Только одно, Баба, – уточнила Пери. – Младенец.

– И что же он делал, этот младенец?

– Ничего, – пожала плечами Пери. – Парил в воздухе.

Несколько мгновений лицо Менсура сохраняло непроницаемое выражение.

– Доченька, ты ведь у меня умница, – наконец произнес он. – Неужели ты хочешь стать такой, как твоя мать? Если так, давай забивай себе голову всякими глупостями. Но я ожидал от тебя другого.

У нее сжалось сердце. Меньше всего на свете ей хотелось разочаровать отца. Значит, надо было убедить себя, что никакого призрака не было. Ну и пусть она видела его собственными глазами. Наши чувства так часто обманывают нас. В конце концов, ей ведь не удалось его потрогать. А первое правило ее отца гласит: если ты не можешь это потрогать, значит этого нет. И никакого младенца в тумане тоже нет. Он существует только в ее голове. С этим Пери готова была согласиться. Но вот откуда он взялся в ее голове – этого она объяснить не могла.

– Запомни, девочка моя, цивилизованный мир стоит не на бессмысленных верованиях, – продолжал отец. – Он стоит на науке, разуме и достижениях техники. И мы с тобой – часть этого мира.

– Я знаю, Баба.

– Вот и хорошо. Забудь о своем младенце. И прошу тебя, матери об этом даже не заикайся. Обещаешь?

– Обещаю.

Разумеется, обещание она не сдержала. Как и любимая отцовская наука физика, человеческая психология тоже имела свои законы. Стоит сказать человеку, чтобы он не заглядывал в закрытый сундук или не открывал запертую дверь, у него тут же возникает неодолимое желание взломать замки. Справедливости ради надо заметить, что Пери держала слово, данное отцу, столько, сколько могла, но когда Дитя Тумана явилось вновь, она бросилась за помощью к матери.

– Почему ты не сказала мне раньше? – нахмурилась Сельма.

– Я рассказала папе, – судорожно сглотнув, призналась Пери.

– Разве твой отец понимает что-нибудь в подобных вещах? Похоже, к тебе приходит джинн. Главное теперь – понять какой. Некоторые из них безвредны, зато другие – настоящее воплощение зла. Коран предостерегает нас против этой опасности. Некоторые джинны способны на все, чтобы завладеть человеком, особенно юной девушкой. Женщины беззащитны перед ними, поэтому нам следует быть осторожными.

Сельма отвела непослушный локон со лба дочери и заправила его за ухо. Этот жест, такой простой и в то же время исполненный нежности, поднял в душе Пери горячую волну любви.

– Что же мне делать? – спросила она.

– Прежде всего, всегда говорить мне правду. Помни, Аллах видит любую ложь. А родители – это глаза Аллаха на земле. Ну а еще мы должны найти заклинателя, изгоняющего нечистую силу.

На следующее утро мать и дочь отправились к ходже, который был знаменит тем, что вызволил многих людей из власти демонов. Это был дородный мужчина с темными тонкими усиками и хриплым голосом. На руке у него висели четки из оникса, которые он постоянно перебирал. В сравнении с приземистым телом голова его казалась слишком большой, словно его собирали наспех, не задумываясь о пропорциях. Ворот застегнутой на все пуговицы рубашки был слишком узок и врезался в шею.

Устремив на Пери изучающий взгляд, он задал несколько вопросов о ее привычках, пристрастиях в еде, любимых играх, успехах в учебе и регулярности ее физиологических отправлениях. Девочка слегка оробела, но, сидя на краешке стула, продолжала старательно отвечать на вопросы. Ходжа осведомился, не случилось ли ей в последнее время убить паука или гусеницу, ящерицу, кузнечика, таракана, божью коровку, осу или муравья. Упоминание о муравье заставило Пери задуматься: как знать, может, она нечаянно наступила на одного из них. Ходжа подтвердил, что джинны, неуловимые и изменчивые, способны принимать вид насекомых, и тот, кто причинит им вред, не произнеся при этом имени Аллаха, навек оказывается в их власти.

Сообщив это, ходжа повернулся к Сельме:

– Если бы ты научила свою дочь не выходить из дому, не прочтя перед этим суру «Аль-Фатиха»[6 - Первая сура Корана.], джинны бы ее сторонились. У меня пятеро детей, и никого из них джинны не беспокоят. Почему? Ответ очень простой: мои дети знают, как себя защитить. Почему же ты не позаботилась о своей дочери, сестра?

Сельма сокрушенно переводила взгляд с ходжи на дочь и обратно.

– Я пыталась учить ее, но она ничего не слушает. Отец плохо на нее влияет.

– Папа тут ни при чем... – попыталась вступиться Пери. – А что теперь будет? – тихо спросила она.

Вместо ответа заклинатель сжал плечо девочки, наклонился к ней и уставился ей в глаза. Казалось, это длилось целую вечность. Потом до нее донесся его шипящий голос:

– Как бы тебя ни звали, я узнаю твое имя. И тогда ты станешь моим рабом. Я знаю, ты проклятое Богом создание. Злобная и хитрая тварь. Оставь это невинное дитя. Внемли моим предостережениям!

Пери зажмурилась. Пальцы ходжи, сжимавшие ее плечо, ослабли. Он побрызгал ей на голову розовой водой, прочел молитвы, изгоняющие злых духов, и заставил проглотить несколько клочков бумаги с какими-то арабскими письменами. Чернила, которыми были выведены письмена, окрасили ее язык в ярко-синий цвет, сохранявшийся несколько дней. После этого мать с дочерью отправились домой. Ночью, следуя наставлениям ходжи, Пери, вздрагивая от каждого шороха, целый час провела в саду, освещенном лишь слабым светом уличного фонаря. На следующее утро мать послала ее разогнать стаю бродячих собак. Собаки едва не разорвали ее на части.

– Что ж, джинн, я дам тебе последний шанс, – заявил ходжа, когда они пришли к нему во второй раз. В руке он держал длинную палку, соструганную из сухой ивовой ветви. – Если ты не оставишь ребенка по собственной воле, я задам тебе хорошую порку.

Прежде чем Пери поняла, к чему он клонит, ходжа с размаху ударил ее по спине. Девочка вскрикнула.

– Эфенди, а без этого нельзя обойтись? – побледнев, спросила Сельма.

– Это самый верный способ. Джинна нужно испугать. Пока он остается в ее теле, его сила возрастает.

– Да, но... этого я не могу допустить, – твердо сказала Сельма и сжала губы в тонкую линию. – Лучше нам уйти.

– Что ж, тебе решать, – процедил ходжа. – Но я обязан предупредить тебя, сестра. Эта девочка – легкая добыча для темных сил. Даже если она избавится от этого джинна, ею завладеет другой – она просто вдохнет его, как вдыхает воздух. Ты должна постоянно следить за ней.

Мать и дочь, испуганные словами заклинателя больше, чем неведомым джинном, поспешили домой, разумеется после того, как Сельма щедро заплатила ходже.

– Не волнуйся, ничего этот джинн мне не сделает, – сказала Пери, когда они ждали автобус на остановке. Чувствуя себя виноватой, она крепко сжала руку матери. – Мама, а почему он сказал, что я легкая добыча для темных сил?

Сельма явно растерялась, не столько от вопроса дочери, сколько оттого, что не знала, как на него лучше ответить.

– Некоторые люди с рождения уязвимы перед темными силами, – сказала она. – Может, поэтому ты и вела себя так странно, когда была еще совсем маленькой...

Увидев на глазах матери слезы, Пери испугалась, что сделала что-то очень и очень плохое, хотя и не понимала, что именно.

– Я буду вести себя хорошо, обещаю, – сказала она.

С этого дня она изо всех сил старалась сдерживать свое новое обещание. Послушная и безропотная, она делала лишь то, чего от нее ожидали, не думая о собственных желаниях и прилежно избегая любых проявлений собственной воли. Каждый ее шаг можно было предсказать заранее, она никому не причиняла тревог и неприятных сюрпризов.

Сельма коснулась лба дочери губами:

– Джаним[7 - Жизнь моя (тур.)], будем надеяться, что с этим покончено. Но прошу тебя, будь осторожна. Если джинн появится вновь, сразу дай мне знать. Джинны очень хитры и мстительны.

Видение не замедлило посетить Пери, но, хорошо усвоив полученный урок, она никому об этом не обмолвилась. Мать была слишком суеверной, отец – слишком здравомыслящим, и ни один из них не мог помочь ей, когда дело касалось столь тонкой сферы. По убеждению Сельмы, в любом необъяснимом событии, маломальски нарушавшем привычный порядок вещей, лежала религиозная подоплека. Менсур же считал это проявлением душевного недуга. Ни то ни другое объяснение Пери не устраивало.

Чем дольше она размышляла об этом, тем больше укреплялась в мысли, что о своих видениях лучше помалкивать. И хотя таинственные визиты по-прежнему тревожили ее и надолго выбивали из колеи, постепенно она научилась воспринимать их как одну из пусть странных, но неотъемлемых особенностей жизни, вроде черных мушек перед глазами, о которых лучше не задумываться, а просто спокойно принимать их появление. Вот так Дитя Тумана – был он джином или кем-то еще – поселилось в укромном уголке ее сознания, оставаясь для нее неразрешимой загадкой.

Спустя годы, незадолго до отъезда в Оксфорд, Пери написала в своей заветной книжечке:

Неужели нельзя найти название для того, что не относится к категориям веры и безверия и равно чуждо как чистой религии, так и чистому разуму? Неужели есть только два пути, а третьего, подходящего для таких, как я, не существует? Но как же быть с теми, кого не удовлетворяет выбор лишь из двух возможностей? Я уверена, людей, разделяющих мои чувства, немало. Им всем, как и мне, необходим иной язык. Язык, включающий в себе понятия, которых не существовало прежде...

Аквариум

Стамбул, 2016 год

Только в четверть девятого вечера мать и дочь добрались наконец до особняка на побережье. Балконы с ажурными чугунными решетками, белые мраморные ступени, выложенные мозаикой фонтаны, современные камеры слежения, автоматические ворота, глухой забор с колючей проволокой. Все это напоминало не загородный дом, а крепость, отгородившуюся от всего мира, маленький островок покоя и безопасности. Против возможных нарушителей границы – нищих, воров, уличных торговцев и просто незваных гостей – были приняты все меры предосторожности.

Прижимая к груди раненую правую руку, Пери держалась за руль левой. По пути они остановились у аптеки, и аптекарь, пожилой мужчина с седеющими усами, обработал порез. На его вопрос о том, что случилось, она лишь скупой ответила:

– Резала овощи. Вот что бывает, когда готовишь второпях.

Он рассмеялся. Стамбульские аптекари – это особое мудрое племя. Они никогда не покупаются на ложь, но при этом не добиваются неприглядной правды. Проститутки, побитые клиентами или сутенерами или изувечившие себя сами, жены, отделанные мужьями, водители, пострадавшие в столкновениях, произошедших по их собственной вине, – все они могут смело отправляться в аптеку и выдавать там самые невероятные версии случившегося. Аптекарь не поверит ни слову из их рассказов, но и выводить их на чистую воду тоже не сочтет нужным.

Пери потрогала повязку и поморщилась, увидев, что сквозь бинт проступило алое пятно. Она хотела разбинтовать руку перед тем, как войти в дом, чтобы избежать неприятных вопросов. Но кровь, боль и страх возможной инфекции заставили ее изменить решение.

Как только машина остановилась у ворот, к ним подошел дюжий охранник в темном костюме, благоухающий лосьоном после бритья. Он отвез машину на стоянку, а Пери и Дениз отправились к дому через ухоженный сад с увитыми плющом шпалерами. Легкий ветерок шевелил листву платанов.

– Дорогая, с моей стороны было страшно глупо пуститься в погоню. О чем я только думала? – нарушила молчание Пери.

Здоровой рукой она коснулась плеча дочери так легко, словно девочка была хрустальным сосудом. Сосудом, до краев наполненным злобой и раздражением. Еще недавно они были бесконечно близки, даже придумали собственные тайные знаки, понятные только им одним. Трудно было поверить, что сейчас рядом с ней идет та самая девочка, что прежде до слез хохотала над ее немудреными шутками и хватала мать за руку, когда герои мультфильмов попадали в опасную переделку. Та милая девочка безвозвратно исчезла, оставив вместо себя угрюмую и хмурую незнакомку. Это превращение – по-другому не скажешь – застало Пери врасплох, хотя она прочла кучу статей о том, что пубертатный период у современных подростков, особенно у девочек, наступает все раньше и раньше. Она всегда надеялась, что ее отношения с дочерью будут более близкими и доверительными, чем ее отношения с собственной матерью. В конце концов, разве не к этому мы стремимся всю жизнь: стать лучше своих родителей, дав нашим детям возможность стать лучше, чем мы. Но в результате мы зачастую обнаруживаем, что, сами того не желая, повторяем ошибки предыдущего поколения. Пери знала: злоба нередко маскирует страх.

– Прости, что заставила тебя волноваться, – мягко сказала она.

– Мама, при чем тут мое волнение, – отрезала Дениз. – Тебя могли убить!

Дочь была права. В том темном переулке она могла запросто распротиться с жизнью. Но девочка не знала, что у этого происшествия был и еще один, возможно, даже более вероятный исход: ее мать могла сама убить бродягу.

– Никогда больше не повторю подобной глупости, – заявила Пери, когда они подошли к дому.

– Обещаешь?

– Обещаю, любовь моя. Только прошу, не надо рассказывать об этом папе. Зачем ему лишние переживания.

Дениз эта просьба привела в замешательство, которое длилось всего несколько мгновений.

– Папа имеет право знать, – покачала она головой.

Пери собиралась возразить, но тут массивная дубовая дверь, покрытая затейливой резьбой, распахнулась изнутри. На пороге, приветливо улыбаясь, стояла горничная в черной юбке и белой шифоновой блузке. Из дома доносились голоса, смех и аппетитные запахи. Вечеринка была в самом разгаре.

– Добро пожаловать! Входите, прошу вас!

Горничная говорила с заметным акцентом – возможно, была уроженкой Молдавии, Грузии или Украины, одной из бесчисленной армии иностранок, которые отправились в Стамбул на заработки, оставив детей на попечение родных и обеспечив мужьям возможность ежемесячно получать денежный перевод.

– Зачем ты меня сюда притащила? – громко прошипела Дениз.

– Я же говорила: здесь будет много твоих друзей. Уверена, тебе понравится.

Едва они вошли, Пери сразу увидела мужа, он проталкивался к ним сквозь толпу гостей. Выражение его лица было сердитым и обеспокоенным одновременно. Элегантный темно-коричневый пиджак, накрахмаленная белоснежная рубашка, синий галстук с коричневыми разводами, отполированные до зеркального блеска ботинки – Аднан уделял немало внимания своей внешности. Человек, который сделал себя сам, он вышел из низов и заработал состояние на операциях с недвижимостью. Он всегда любил повторять, что своим успехом обязан только Всемогущему Аллаху. Пери, при всем уважении к энергии и деловой хватке мужа, не могла понять, почему Аллах отдает предпочтение именно ему. Аднан был на семнадцать лет старше жены, и разница в возрасте становилась особенно заметной, когда он сердился или расстраивался и морщины на его лбу, и без того уже достаточно глубокие, проявлялись еще больше.

– Где вы пропадали? Я звонил тебе раз сто!

– Прости, дорогой. Я потеряла телефон, – сказала Пери, стараясь придать голосу безмятежность. – Длинная история, давай не будем об этом сейчас.

– Знаешь, почему мы опоздали, папа? – При виде отца в глазах Дениз зажглись огоньки. – Мама погналась за грабителями!

– Что?

Дениз отбросила со лба прядь волос. От отца она унаследовала длинный нос с небольшой горбинкой и неистребимую самоуверенность.

– Спроси у нее сам, – бросила Дениз, прежде чем подойти к девочке примерно своих лет, которая со скучающим видом бродила в толпе гостей.

Но времени для объяснений действительно не было. Прервав разговор с известным журналистом, к ним уже спешил хозяин дома. Это был коренастый, широкоплечий мужчина с совершенно лысой головой и багровым румянцем завязтого пьяницы. На лице, каждая клеточка которого регулярно подвергалась самым современным методам борьбы с возрастом, не было ни единой морщины. Когда он улыбался, черты его оставались каменными, и лишь уголки губ слегка приподнимались.

– Наконец-то! – пророкотал он.

Его голубые глаза, в которых переливались шаловливые искорки, буквально пожирали Пери.

– Что с вашей рукой? Уверен, вас пытались похитить! Вы сами виноваты. Нельзя быть такой красивой.

Пери улыбнулась, хотя шутка заставила ее побледнеть. Она надеялась, что ни хозяин дома, ни кто-либо другой не станут комментировать состояние ее платья, измятого, порванного у каймы, покрытого пятнами крови и фраппучино. К счастью, пятна крови на ярко-лиловом шелке были не особенно заметны.

– В пути с нами случилось небольшое происшествие, – сообщила она.

– Какое еще происшествие? – нахмурился Аднан.

– Так, пустяки, – прошептала Пери и тихонько коснулась локтя мужа, давая понять, что от дальнейших расспросов лучше воздержаться. – Какой у вас великолепный дом! – воскликнула она, обернувшись к хозяину.

– Благодарю вас, моя дорогая. К сожалению, этот дом словно кто-то сглазил. Одно несчастье за другим. Сначала лопнули трубы, и весь первый этаж залило водой. Потом молния ударила в дерево, оно упало на крышу и проломило ее, представляете? И все это в течение нескольких месяцев!

– Вам надо повесить в доме назар бонджук[8 - Оберег (тур.), представляющий собой небольшой диск из цветного литого стекла с точкой посередине, напоминающий глаз; в переводе с турецкого означает «сглаз от сглаза».], – заметил Аднан.

– О, мы придумали кое-что получше. Сегодня к нам приглашен экстрасенс.

– Да что вы! – с наигранным удивлением протянула Пери.

Предмет разговора не слишком занимал ее, но она знала: надо что-то сказать. В последнее время интерес общества ко всякого рода медиумам и прорицателям рос в геометрической прогрессии. Разумеется, повальное увлечение пророками и телепатами коснулось в основном женщин, но и мужчины не остались в стороне. Вероятно, в государстве, где нестабильность всегда являлась нормой, подобное явление было закономерным. На фоне хронической политической неопределенности и отсутствия гласности маги и волхвы, как подлинные, так и фальшивые, выполняли важную социальную функцию, подменяя царившую в обществе неуверенность неким подобием уверенности.

– Все говорят, этот парень обладает поразительной силой, – продолжал хозяин дома. – Он не просто вступает в разговор с джинами. Он командует ими. И они беспрекословно подчиняются его приказам. Джинны даже отдают ему своих жен, так что у него собрался неплохой гарем! – Произнеся последнюю фразу, хозяин фыркнул, но, заметив, что Пери слушает его без тени улыбки, внимательно на нее посмотрел. – Что случилось? Вид у вас такой, словно вы только что увидели привидение.

Пери невольно отпрянула. Она уже не раз опасалась, что по выражению ее лица люди могут догадаться о ее таинственных видениях, скрытых от посторонних

глаз. К счастью, хозяин дома не испытывал ни малейшего желания слушать чей-либо голос, кроме своего собственного.

– Я знаю двух брокеров, которые постоянно консультируются с этим парнем, когда хотят купить акции. Разве это не сумасшествие, по-вашему? Экстрасенсы заправляют делами на бирже. – Он расхохотался. – Это моя жена настояла на том, чтобы его пригласить. Но не стоит ее упрекать. Бедняжка, после той жуткой катастрофы она ночей не спит – боится, что с нашим домом произойдет нечто подобное.

Около полугода назад эта новость попала в передовицы всех газет. Огромный сухогруз, трехсот тридцати пяти футов в длину, шедший под флагом Сьерра-Леоне, из-за поломки руля потерял управление, направился к берегу и вылетел на сушу, врезавшись в старинный особняк на набережной. В результате бедствия обрушилась обращенная к морю стена и великолепный балкон на южном фасаде здания.

Когда-то на этом балконе, относящемся к последнему веку Османской империи, кайзер Вильгельм II пил чай в обществе паши, известного своими непомерными амбициями и преклонением перед культурой и воинской мощью Германии. Паша распространил слух, что на самом деле кайзер является мусульманином – якобы сразу после рождения, прежде чем приложить младенца к материнской груди, ему прошептали на ухо начальные строфы Корана. С тех пор кайзер, подлинное имя которого Хаджи Вильгельм, является верным другом и неутомимым защитником ислама, и посему долг Османской империи – вступить в войну на стороне Германии.

Впоследствии на том же самом историческом балконе свел счеты с жизнью молодой наследник турецкого престола. Несчастный юноша без памяти влюбился в русскую балерину, эмигрировавшую в Стамбул после большевистской революции. Поняв, что ему никогда не удастся убедить семью принять его возлюбленную, он решил пустить себе пулю в лоб. Пуля, пройдя сквозь мозг и продырявив череп, вышла у него за левым ухом и вонзилась в стену, где оставалась нетронутой в течение трех десятилетий.

Особняк на набережной был свидетелем взлета и падения национальных героев, расцвета и упадка империи, расширения и сжатия границ. Он видел, как мечты превращаются в пыль. Но никогда за всю его богатую событиями историю здание не таранило судно. Нос сухогруза пробил стену, уничтожил картину

Фахронисы Зейд и каким-то чудом остановился возле канделябра из муранского стекла. Сейчас в память о том дне с канделябра свисает миниатюрный игрушечный кораблик, дающий гостям возможность вновь и вновь вспоминать подробности этой невероятной истории.

– О, вот и вы! Мы уже боялись, что вы не приедете! – раздался женский голос за спиной Пери.

Это была жена хозяина. Она только что вышла из кухни, где отдавала распоряжения повару. На ней было изумрудно-зеленое коктейльное платье от модного дизайнера, с воротником стойкой спереди и вырезом до талии на спине. На пальце сверкало кольцо с изумрудом, огромным, как яйцо ласточки. Губы покрывал толстый слой алой помады, волосы были зачесаны назад и собраны в узел, такой тугой, что Пери невольно пришла на память козлиная кожа, натянутая на дарбуку[9 - Старинный ударный инструмент, распространенный на Ближнем Востоке.].

– Пробки... – пробормотала Пери, целуя хозяйку в обе щеки.

Пробки на дорогах были универсальным оправданием для любых опозданий. Это магическое слово снимало все вопросы и недоумения. Посмотрев на лица хозяина и хозяйки, Пери с облегчением убедилась, что магия сработала и на этот раз. Они сочли объяснение вполне убедительным, в отличие от ее мужа. Ну что ж, с ним она поговорит позже.

– Не волнуйтесь, голубушка. Мы все знаем, что творится на дорогах! – пропела хозяйка и скользнула по платью Пери оценивающим взглядом, от которого, несомненно, не ускользнуло ни одно пятнышко.

– Я не успела переодеться, – сообщила Пери.

Под этим пронзительным взглядом она чувствовала себя раздетой, но в то же время, откровенно говоря, испытывала чувство, близкое к удовлетворению. Приятно было хотя бы слегка шокировать публику на этом параде сокрушительно дорогих нарядов и дизайнерских сумочек.

– Расслабьтесь, вы среди друзей, – улыбнулась хозяйка. – Но если хотите, я с удовольствием одолжу вам одно из моих платьев.

Пери представила, как проливает на шикарный наряд томатный соус. Учитывая, что сегодня явно был не ее день, подобное развитие событий казалось весьма вероятным.

– Спасибо, но я лучше останусь в своем, – покачала она головой.

– Вам надо подкрепиться! – предложила хозяйка. – Наверняка вы умираете с голоду.

– Принести вам выпить? – подхватил ее муж. – Белого? Красного?

– Вы очень добры. Но сначала я загляну в дамскую комнату, – ответила Пери.

Вслед за горничной она прошла вглубь особняка, ощущая, что взгляд мужа вот-вот просверлит дыру у нее в спине.

* * *

В дамской комнате Пери заперла дверь и, чувствуя себя совершенно вымотанной, уселась на крышку унитаза. Несколько раз вдохнула полной грудью, помассировала виски кончиками пальцев. У нее не было ни сил, ни желания выходить из своего убежища и общаться со всеми этими людьми; тем не менее она знала, что уже очень скоро ей придется это сделать. Если бы только можно было выскользнуть через окно туалета и убежать прочь от всех.

Она осторожно сняла повязку с раненой руки. Ножевой порез тянулся через всю ладонь, но был неглубок, так что зашивать его не требовалось. И все же при каждом движении он сильно болел и начинал кровоточить. Глядя на сочившуюся кровью рану, Пери невольно содрогнулась. Только теперь она наконец поняла, какой опасности подвергалась. Во рту у нее пересохло. Она вновь забинтовала руку.

Встав, чтобы умыться, она в изумлении застыла. Подножием для раковины служил огромный морской аквариум с десятками экзотических рыбок всех оттенков желтого и красного – цветов любимой футбольной команды хозяина. Все знали, что он рьяный болельщик, имеет на стадионе собственную ложу и при

всяком удобном случае фотографируется с футболистами. Он даже намеревался когда-нибудь стать президентом клуба и для достижения этой цели плел сложную сеть тайных интриг.

Пери с завистью наблюдала за рыбками, которым было уютно и спокойно в их искусственном мирке, надежно защищенном от всех бурь и опасностей. По обеим сторонам раковины стояли две большие серебряные чаши с пушистыми полотенцами для рук, скатанными безупречными валиками. Повсюду на полу были расставлены зажженные свечи, язычки пламени чуть подрагивали, сладкий, слегка приторный аромат щекотал ноздри. К аромату свечей примешивался синтетический запах моющего средства, напомнивший ей о клее, который вдыхал бродяга.

Внезапно ее охватило неодолимое желание совершить какой-нибудь неожиданный и дерзкий поступок. Ей хотелось разбить аквариум и посмотреть, как рыбки будут биться в луже воды посреди осколков. В предсмертных судорогах они станут хватать ртом воздух и колотить хвостом по мраморному полу. Некоторые выскользнут в коридор и окажутся под ногами гостей, свет канделябров будет играть на их чешуйках, потом они доберутся до задней двери, пересекут террасу, и в тот момент, когда смерть покажется им неизбежной, их накроет морская волна. Море примет их как родных, их встретят старые друзья и родственники, которые все это время оставались дома, где все так скучно и привычно.

Путешественницы поведают домоседам, каково это – жить в большом аквариуме, тоскуя о беспредельности морского простора, но зато не ведая забот о пропитании. Вскоре домашние рыбки, утратившие всякую осмотрительность и разучившиеся избегать опасностей, станут добычей морских хищников. И все же они наслаждаются минутами свободы – блаженством, за которое можно отдать долгие годы в неволе.

Если бы только у нее был молоток... Порой собственные фантазии пугали ее.

За завтраком

Стамбул, 1990-е годы

Несчастье, произошедшее с Умутом, подобно факелу, внесенному в темную комнату, высветило все ошибки и изъяны, которые члены семьи Налбантоглу скрывали не столько от других, сколько от самих себя. Теперь, когда Умут оказался в тюрьме, в жизни каждого из них зияла огромная дыра, но они упорно делали вид, что ее не существует. То, что Менсур после ареста сына стал пить еще больше, было простым совпадением; то, что щеки Сельмы пожелтели и ввалились от усиленных постов и молитв, которым она предавалась ночи напролет, ровным счетом ничего не значило.

Сны Пери становились все беспокойнее, все чаще она просыпалась от собственного крика. Спала она теперь при свете. Вычитав, что янтарь отгоняет злых духов, она стала держать у кровати янтарные бусы. Ничего не помогало. В страшных снах она видела школы, больше похожие на тюрьмы, и надзирателей, отчего-то очень напоминавших ее отца и мать. Ей снилось, что ее арестовывают за преступление, которого она не совершала, и теперь она сидит в застенках, покрытая собственными испражнениями и личинками мух, с обритой наголо головой. После таких кошмаров она просыпалась с бешено бьющимся сердцем и долго еще не могла понять, где находится.

Менсур очень изменился. Тот человек, который любил в душевной компании друзей петь грустные баллады или предаваться жарким политическим спорам, исчез безвозвратно. Теперь он предпочитал пить в одиночестве, и самыми верными его собутыльниками стали тишина и безмолвие. Он был так силен и крепок, что тело его не выдавало каких-либо внешних признаков недомогания, за исключением разве что кругов под глазами, темных полумесяцев на бледном небе.

Но вскоре произошло неизбежное. По утрам Менсур стал просыпаться в поту, мучился от ломоты во всем теле и выглядел таким изможденным, словно во сне ворочал камни. Начались частые приступы тошноты. Пытаясь скрыть дрожь, сотрясавшую все его тело, он старался держаться в стороне, ни с кем не разговаривая, или же, наоборот, вдруг начинал говорить слишком много, словно не мог остановиться. Руководство компании, в которой он работал, приняло решение отправить его на пенсию раньше срока, так как он явно не мог больше выполнять свои обязанности. Выйдя на пенсию, Менсур, к большому неудовольствию жены и младшего сына, теперь почти всегда находился дома. Томимый неясной тревогой и страхом, раздражительный и гневливый, он

напоминал огромную империю, границы которой со всех сторон осаждали враги; на востоке ему приходилось отражать атаки жены, на западе – выпады Хакана. На всех фронтах он терпел поражение.

Отец и сын ругались постоянно, непримиримо и яростно. В стремлении перекричать один другого они наполняли кухню своими громкими голосами, выплескивая друг на друга безжалостные обвинения, похожие на мертвых рыб, которые всплывают на поверхность воды после взрыва динамита. Размолвки вспыхивали по самым ничтожным поводам – замечания насчет безвкусной рубашки или громкого чавканья за едой, – но истинные причины ссор таились гораздо глубже.

Сельма неизменно принимала сторону сына. Его интересы она отстаивала куда горячее, чем свои собственные. Порой она напоминала разъяренную орлицу, защищавшую своего птенца от коварного хищника. Двое сражались против одного, и это обстоятельство вынуждало Пери восстанавливать справедливость и принимать сторону отца. Честно говоря, она не стремилась к победе. Все, чего она хотела, – добиться прекращения огня. Облегчить боль, которую испытывали все участники этой битвы.

Вскоре Хакан, который никогда не видел смысла в хорошем образовании, сообщил, что исключен из университета. Возвращаться в этот «чертов хлев» у него нет ни малейшего желания, заявил он. К большому огорчению родителей, он поставил на учении крест и, не успев открыть ларец своего разума, навсегда запер его на замок. Сам Хакан, казалось, был не слишком удручен случившимся, но взгляд его исполнился отвращения и к жизни, и к тем, по чьей милости она складывалась так неудачно.

После исключения из университета Хакан стал приходить домой лишь затем, чтобы поесть, переодеться и немного поспать. Безвольный и лишенный цели, словно воздушный шарик, подхваченный ветром, он сменил несколько мест работы, но нигде не добился успеха. Наконец ему нашлось занятие у каких-то приятелей, которых он называл Братями. Эти люди высказывали весьма резкие суждения об Америке, Израиле, России и странах Ближнего Востока. Им повсюду мерещились заговоры и происки тайных обществ. Друг друга они приветствовали, соприкасаясь лбами и произнося разные высокопарные слова – «честь», «верность», «справедливость». Попав в их компанию, Хакан оказался прилежным учеником, быстро усвоившим чужие взгляды. Пафос и пессимизм новых знакомых пришлись ему по душе. С помощью Братьев он устроился в одну

из газет ультранационалистического толка. Удручающе несведущий во всем, что касалось грамматики и правописания, он, как выяснилось, обладал даром острого слова и умением разжигать страсти. Взяв псевдоним, он начал вести колонку, обличительный запал которой возрастал от номера к номеру. Каждую неделю Хакан разоблачал очередных предателей – евреев, армян, греков, курдов, алевитов. Все они подобны гнилым яблокам, которые, если вовремя не выбросить их из корзины, заразят здоровые, утверждал он. Нет ни одной этнической группы, которой турки могут доверять, за исключением самих турок. Национализм подошел его состоянию, как костюм, сшитый на заказ. Теперь Хакан гордился тем, что принадлежит к лучшей нации, избранной расе, и готов был совершать великие деяния во славу своего народа. Как и положено истинному турку, он чувствовал себя сильным, непреклонным и непобедимым. Наблюдая за преображением брата, Пери пришла к выводу, что человеческий эгоизм достигает особенно гигантских размеров, если его питает иллюзия полного самоотречения.

– Думаешь, только один из твоих сыновей сидит в тюрьме? – как-то спросил Хакан отца во время очередной стычки за завтраком. – В этом доме я тоже чувствую себя узником. Умуту еще повезло. По крайней мере, он не слышит каждый день твоих идиотских разглагольствований.

– Ты считаешь, твоему брату повезло, подонок несчастный?! – рявкнул Менсур.

Голос его дрожал еще сильнее, чем руки.

Пери слушала, потупив голову и уставившись на скатерть. Ей казалось, эти семейные разборки подобны снежному обвалу: одно злое слово влечет за собой множество других, превращаясь в лавину, сметающую все на своем пути.

– Оставь мальчика в покое. Он еще так молод, – вступилась за сына Сельма.

– Не настолько молод, чтобы сидеть у отца на шее, – возразил Менсур. – Тем не менее он предпочитает жить на мои деньги.

– Так ты меня куском попрекаешь? Хорошо, я больше не буду есть твой хлеб. – Хакан в ярости швырнул об стену пустую тарелку, которая разлетелась на мелкие осколки. – Да и кому приятно сидеть за одни столом с алкоголиком?

Никогда прежде это слово не произносилось в их доме. Назвать главу семьи алкоголиком было немыслимо. Невозможно. Но теперь слово прозвучало, и исправить уже ничего было нельзя. Хакан, не в силах вынести потрясенного молчания, воцарившегося за столом, выбежал из кухни.

Сельма разразилась слезами. Между всхлипываниями она громко причитала:

– На нас лежит проклятие. На всей нашей семье. Да, мы прокляты, и помочь этому нельзя.

Несчастье, случившееся со старшим сыном, было предупреждением, которое послал им Аллах, заявила она. Но они не обратили на послание небес никакого внимания, и теперь на их головы обрушатся новые бедствия.

– В жизни не слышал большей глупости! – отрезал Менсур. – С какой стати Бог решил известить семью Налбантоглу? Уверен, у Него есть дела поважнее.

– Мы все в руках Аллаха. Он хочет научить нас уму-разуму. Хочет преподать нам... преподать тебе... важный урок.

– И что же это за урок такой?

– Ты должен осознать, что живешь неправильно, – всхлипнула Сельма. – Пока ты этого не сделаешь, в нашей семье не будет мира.

– Неужели ты веришь, что арест Умута угоден Богу? – выпрямившись на стуле, процедил Менсур. – Веришь в то, что Бог учит людей уму-разуму с помощью тюрем и пыток? Судя по всему, женщина, с твоей головой что-то не в порядке. Или же, провалиться мне на этом месте, что-то не в порядке с твоим Богом.

– Товбе, товбе[10 - Покайся, покайся (тур.)], – пробормотала Сельма.

В надежде смягчить гнев Аллаха, Сельма всячески ограничивала себя в пище, днями напролет, а то и неделями довольствуясь лишь хлебом, водой, кислым молоком и финиками. Она добровольно шла на эти жертвы, истово веря, что такой безыскусной платой сможет договориться с Всемогущим. По ночам она почти не спала, предаваясь двум занятиям, которые ее успокаивали: молитве и

уборке. Лежа в постели, она замечала, что мебель покрывает тонкий слой пыли. Она слышала, как в комодѣ копошатся термиты, поедая древесину, и удивлялась, что все прочие так глухи. Смешав уксус, лимонный сок и соду с толченым аспирином, Сельма принималась за работу – скребла, мыла, терла. Весь дом насквозь пропитался запахом ее самодельной моющей смеси.

Руки она мыла так часто и с таким рвением, что запах антисептиков намертво впитался в них, а из трещин на коже иногда текла кровь, от чего она боялась заразиться еще сильнее и терла руки еще яростнее. Чтобы скрыть их удручающее состояние, она стала носить черные перчатки. Хиджаб и длинное, почти до пят, свободное платье тоже были черными. Как-то вечером Сельма и Пери возвращались с базара. Пери шла чуть впереди и, оглянувшись, не сразу разглядела мать – Сельма полностью слилась с ночной тьмой.

Менсур, которого наряд жены приводил в ужас, не желал, чтобы их видели вместе. По магазинам они теперь ходили порознь. Новый облик Сельмы выражал все то, что он ненавидел и презирал, против чего всегда боролся. Религиозное мракобесие. Уверенность в том, что их путь самый правильный, только потому, что они впитали эту религию с молоком матери и покорно приняли то, чему их учили, не задавая вопросов. Как можно говорить о превосходстве своей веры над остальными, когда о других культурах, философах, другом образе мысли, наконец, они знают так мало, если вообще что-нибудь знают?

Что касается Сельмы, то во внешности и манерах Менсура ее бесило буквально все: снисходительное пренебрежение, светившееся в его взгляде, авторитарность его тона, гордая складка, залегшая у рта. Поразительно, насколько надменны все эти безбожники. С какой легкостью они отбрасывают многовековые традиции, как непомерно их самомнение, позволяющее им ставить себя выше общества. Как они могут считать себя просвещенными людьми, когда о культуре и вере собственного народа знают так мало, если вообще что-нибудь знают?

Вздрагивая при мысли о каком-либо общении, муж и жена жили в одном доме, словно не замечая друг друга. Недостаток любви оба компенсировали избытком ненависти.

Пери меж тем нашла утешение в чтении. Рассказы, романы, стихи, пьесы – она глотала все, что удавалось добыть в небогатой школьной библиотеке. Когда ничего другого не осталось, она принялась за энциклопедию. Прочла ее от корки

до корки и узнала множество вещей, которые не имели никакого отношения к ее нынешней жизни, но, как она надеялась, могли пригодиться ей в будущем. Впрочем, знай Пери наверняка, что от полученных знаний никакого толку не будет, это не отвадило бы ее от чтения, ставшего для нее единственной страстью.

Книги были полны настоящей жизни. Книги приносили свободу. Находиться в мире вымысла было куда приятнее, чем в реальности. По выходным Пери сидела в своей комнате и проглатывала один взятый на время роман за другим, поддерживая силы лишь семечками и яблоками. Она выяснила, что ум, как и мускулы, необходимо тренировать, постоянно увеличивая нагрузку. Не удовлетворенная механической зубрежкой, к которой приучали в школе, она разработала собственные методы запоминания и с легкостью заучивала латинские названия растений, строфы английских поэтов, даты войн, мирных соглашений и новых войн, которыми так богата история Османской империи. Пери твердо вознамерилась во что бы то ни стало преуспеть по всем предметам: от литературы до математики, от физики до химии. Школьные дисциплины представлялись ей чем-то вроде экзотических птиц, которые сидят в разных клетках, придвинутых вплотную друг к другу. Нужно просто проделать в решетках отверстия так, чтобы птицы могли перелетать из клетки в клетку, часто думала она. И литература, и физика, и философия много выиграли бы, если бы начали водить друг с другом компанию. Кто решил, что они должны существовать независимо?

Разумеется, подобная одержимость учебой не могла не сказаться на отношениях с одноклассниками. Вскоре она осознала, что ее окружают всеобщее отчуждение, зависть и неприязнь. Это обстоятельство ее ничуть не опечалило. Подобно всем членам семьи Налбантоглу, она питала природную склонность к одиночеству. Ей было наплевать, что одноклассники дразнят ее зубрилой, что девочки не приглашают ее на свои дни рождения, а мальчики – в кино. В жизни для нее имело смысл лишь то, что освещал свет разума, или высокие идеалы любви. Вечеринки с танцами и походы в кино ее никогда не привлекали.

Как и все изгои, Пери вскоре обнаружила, что не одинока. В каждом классе всегда есть несколько учеников, которые, по разным причинам, не находят общего языка со сверстниками. Друг друга они всегда различают безошибочно. Став для всех остальных неприкасаемыми, они просто вынуждены познакомиться поближе. Были такие дети и в школе Пери. Мальчик-курд, над которым смеялись из-за его акцента. Девочка, у которой росли волосы на лице.

Еще одна девочка из младшего класса, которая так нервничала на экзаменах, что не могла контролировать свой мочевой пузырь. Мальчик, чья мать, по слухам, была проституткой. Все они стали для Пери хорошими друзьями. Но самыми лучшими спутниками для нее по-прежнему оставались книги. Мир вымысла был ее домом, ее родиной, ее убежищем, ее защитой.

Упорные занятия не замедлили дать свои плоды: каждую четверть Пери снова и снова становилась лучшей ученицей в классе. Если ей требовалось подпитать веру в себя, она бежала к отцу. Менсур, узнавая об успехах дочери, всегда реагировал одинаково.

– Учись, душа моя, – говорил он. – Образование – вот единственное, что может нас спасти. Ты гордость нашей горемычной семьи, но я очень хочу, чтобы ты училась на Западе. В Европе много прекрасных университетов, и все же лучше Оксфорда ничего нет. Там ты станешь по-настоящему образованным человеком. А потом вернешься домой. Только такая молодежь, как ты, умная и образованная, может изменить судьбу этой усталой страны.

Когда-то в юности Менсур познакомился со студентом Оксфорда, бледнокожим хиппи, все имущество которого умещалось в потрепанном рюкзаке, и проникся к нему внезапной симпатией. Студент собирался в одиночестве пересечь Турцию на велосипеде. Он сообщил Менсуре, что держит все деньги в носке, чтобы обмануть карманников и гостиничных воришек. Опасаясь, что этот наивный иностранец попадет в беду, Менсур решил отправиться вместе с ним. Вдвоем они пересекли на велосипедах Анатолийский полуостров, после чего рыжеволосый британец направился в Иран. Больше Менсур о нем никогда не слышал. Но, взглянув на родную страну глазами западного человека, он испытал мучительную растерянность, о которой так и не смог забыть. Он впервые понял, что иностранцы воспринимают их жизнь совсем не так, как они сами. То, что привычно и нормально для них, вовсе не обязательно должно быть принято остальными так же. Он впервые понял, что есть и «другой мир». И теперь он хотел, чтобы его дочь получила образование именно там. Это было самое страстное его желание. Он верил, что Пери и еще сотни подобных ей молодых людей, образованных, энергичных, свободомыслящих, сумеют вырвать эту страну из плена многовековой отсталости.

Она понимала, что некоторые дочери приходят в этот мир для того, чтобы воплотить в жизнь мечты отцов. Даже если для этого им придется спасти отечество.

Танго с Азраилом

Стамбул, 1990-е годы

В то лето, когда Пери исполнилось одиннадцать, ее мать решила исполнить свою давнюю мечту и совершить паломничество в Саудовскую Аравию. Ее старший брат по-прежнему сидел в тюрьме, второй пропадал неизвестно где. На время отсутствия Сельмы отец и дочь были предоставлены сами себе. Они сами готовили себе еду (на обед кюфта с жареной картошкой, на ужин кюфта с макаронами), сами мыли посуду (просто обдавали горячей водой) и смотрели телевизор сколько душе угодно. Такая жизнь очень напоминала каникулы, только была еще лучше.

Как-то раз Пери проснулась от ноющей боли в животе. Все эти кюфты и макароны все-таки дали о себе знать, решила она и с сожалением подумала, что придется, видимо, предложить отцу сменить их рацион. Но когда она пошла в туалет, ее ждал неприятный сюрприз: пятна на белье. Хотя они и были слишком темными, она знала, что это кровь. Мать предупреждала ее, что это может случиться, и велела быть очень осторожной с мальчиками. «Не позволяй им прикасаться к тебе!» – говорила она. Но Пери не ожидала, что это будет так скоро. В школе она иногда слышала, как девочки постарше жалуются друг другу. «Тетя снова приехала!» – говорили они беспечно. Или спрашивали у подруг: «Посмотри, у меня все в порядке сзади?» Одна девочка из класса Пери тоже похвасталась, что у нее уже начались месячные, но все знали, что она лжет. Таким образом, среди ровесников Пери стала первой. За прошедший год она очень сильно выросла и развилась физически, хотя и пыталась это скрыть. Ей довольно часто говорили о ее привлекательности, и в конце концов она поверила, что люди именно так ее и воспринимают. Сама она оценивала свою внешность весьма критически. Ей бы очень хотелось, чтобы волосы у нее были не светло-каштановыми, а черными как смоль и прямыми, как струны, без этих дурацких кудряшек. И вообще, она предпочла бы появиться на свет мальчиком. Хотя не известно, стала бы ее жизнь легче, будь она третьим сыном Налбантоглу.

Она нашла старую чистую простыню и разрезала ее на полоски. Если расходовать бережно и разумно, их хватит надолго, и ей не придется ничего говорить матери. Тряпки можно выстирать, высушить и использовать вновь, как делают многие женщины в этой стране. Она будет скрывать, что повзрослела слишком рано, до тех пор, пока ей не исполнится четырнадцать – этот возраст Пери считала наиболее подходящим для первых месячных. Видно, Бог допустил небольшую ошибку в своих расчетах. Придется ее исправить.

Две недели спустя вернулась Сельма, похудевшая и загоревшая дочерна. Опустившись на диван, она принялась рассказывать о своем путешествии в Мекку, слова неслись вскачь, обгоняя друг друга, – в точности так, как сделали бы стоявшие на полке фарфоровые лошадки, если бы им вдруг довелось ожить.

– В прошлом году из-за давки в пешеходном переходе погибло больше тысячи паломников, – сказала она. – Теперь власти приняли меры предосторожности. Но предотвратить болезни они не в состоянии. Я заболела так тяжело, что уже собиралась умереть. Прямо там, на Святой земле.

– Хорошо, что этого не случилось и ты благополучно вернулась домой, – вставил Менсур.

– Слава Аллаху, я дома! – вздохнула Сельма. – Но если бы я умерла, меня похоронили бы в Медине, недалеко от могилы Пророка, да пребудет душа его в мире.

– Зато стамбульские кладбища расположены на холмах, откуда открывается прекрасный вид, – усмехнулся Менсур. – И туда прилетает свежий морской ветер. Если бы ты лежала в земле Медины, то стала бы удобрением для какой-нибудь финиковой пальмы. А в Стамбуле выбор куда больше. Может, над тобой вырастет клен, может, липа, может, мастиковое дерево. Лучше всего, конечно, жасмин. Будешь купаться в его чудесном аромате.

Сельму передернуло от слов мужа, словно они были раскаленными угольками, опалившими ее кожу. Пери, опасаясь, что между родителями вспыхнет очередная ссора, поспешила вмешаться.

– Что у тебя в чемодане, мама? – спросила она. – Ты нам что-нибудь привезла?

– Я привезла вам всю Мекку, – последовал ответ.

Пери и Менсур оживились, лица их просияли, как у детей в ожидании подарков. Один за другим Сельма вынимала из чемодана пакеты и разворачивала их. Финики, мед, мисвак, одеколон, коврики для молитвы, четки, мускус, головные платки и замзам[11 - Святая вода из колодца в Мекке.] в крошечных бутылочках.

– Откуда ты знаешь, что это святая вода? – не удержался Менсур. – Кто проверял ее на святость? Может, тебе всучили обычную воду из-под крана.

Сельма схватила бутылочку, открыла ее и осушила одним глотком:

– Это чистейший замзам! А вот твоя душа покрыта грязью.

– Не буду спорить, – пожал плечами Менсур.

Пери тем временем вынула из чемодана большую коробку:

– А здесь что, мама?

В коробке оказались настенные часы в форме мечети, с висячим маятником и минаретами по обеим сторонам. Сельма объяснила, что их можно настроить так, чтобы они отмечали время молитвы в тысяче городов по всему миру. Долго не раздумывая, она повесила часы на гвоздь в гостиной так, чтобы они смотрели в сторону Мекки, и как раз напротив портрета Ататюрка.

– Мне не нужна мечеть под крышей моего дома, – заявил Менсур.

– Вот как? Но ведь я живу под одной крышей с неверным, и ничего, – возразила Сельма.

– Не вводи меня в грех. Если бы ты не купила эти часы, я не стал бы богохульствовать. Убери их немедленно!

– Не уберу! – взвизгнула Сельма. – Я их выбрала, заплатила за них и тащила всю дорогу со Святой земли. Это притом, что сил у меня после болезни почти не осталось. Не забывай, теперь я хаджи. Прояви хоть какое-то уважение!

Пери впервые услышала, как мать кричит на отца. В течение многих лет эта женщина выражала свое недовольство либо угрюмым молчанием, либо язвительными, но едва слышными словами. И вот наконец она взорвалась. Часы остались в гостиной, но, по соглашению, не удовлетворившему ни одну из сторон, они не били, указывая время молитвы.

Остаток дня Менсур провел в глубоком унынии. Вечером на несколько часов отключили электричество. За стол Менсур уселся раньше обычного, как всегда, с бутылкой раки. С одной стены на него смотрел Ататюрк, на другой тикали часы-мечеть. Переменчивый свет свечи бросал тени на его бледное лицо. Осушив первый стакан раки, Менсур сказал, что плохо себя чувствует. Он прижал руку к сердцу, словно приветствуя невидимого друга, склонил голову набок и потерял сознание.

Это был сердечный приступ.

Пери знала, что до конца дней ей не суждено забыть той жуткой ночи. В оцепенении она смотрела на отца, внезапно превратившегося в безжизненный манекен. Его голова со стуком упала на стол. Соседи, прибежавшие на крики Сельмы, уложили его на диван. Потом приехала «скорая». Менсура положили на носилки, отнесли в машину, которая с завыванием помчалась в клинику. Вскоре Менсур оказался в отделении интенсивной терапии, в окружении каких-то загадочных приборов, издающих тревожное пиканье. Все это время Пери думала только об одном: неужели Аллах наказал ее отца за неверие и богохульство? Вопрос был таким мучительным, что она не могла задать его вслух и терзалась молча. Конечно, можно было обратиться к матери, тихонько плакавшей рядом, но Пери догадывалась, какой ответ даст Сельма, и заранее страшилась его. Неужели Аллах поступает с людьми так жестоко и коварно? Сначала позволяет богохульствовать и отпускать кощунственные шутки сколько душе угодно, а потом предъявляет счет. Аллах словно выжидает, пока человек не согрешит столь тяжко, что Он сможет обрушить на него всю мощь своего гнева. Выходит, Промысел Господень – не что иное, как жестокая месть, замаскированная под высшую справедливость?

И еще одна мысль, тревожная и неотступная, мучила ее. В глубине души она не сомневалась, что сердечный приступ отца каким-то неведомым образом – точнее, сложной цепью причинно-следственных связей, опутавшей Вселенную, – связан с ее месячными. Почему они начались у нее так рано, да еще в отсутствие

матери? Она попыталась стать главной женщиной в доме, и это было непростительно. Теперь она не сомневалась: чем быстрее она будет взрослеть, тем скорее умрет отец.

Пери и Сельма сидели на потертом диване в комнате для посетителей, бледный свет луны, проникавший в окно, поглощался навязчивым сиянием флуоресцентных ламп. Телевизор был включен, но без звука. На экране женщина в красном платье с блестками крутила колесо рулетки, которое, к ее великому разочарованию, остановилось на слове «банкрот». Ведущий, упитанный мужчина с пушистыми усами, и единственный зритель, который смотрел телевизор, радостно засмеялись.

– Пойду помолюсь, – сказала Сельма.

– Можно мне с тобой?

Сельма пристально взглянула на дочь. Казалось, она ждала этого вопроса.

– Будет очень хорошо, если мы помолимся вместе. Молитвы детей быстрее доходят до Бога.

Пери кивнула, как и подобает почтительной дочери. За исключением нескольких коротких молитв, зазубренных в школе, настоящий намаз она никогда не совершала, потому что во всех вопросах, связанных с верой, была заодно с отцом, а Менсур, в отличие от своей супруги, молился кратко и без особых церемоний. Он редко употреблял слово «Аллах», предпочитая слово «Танри»[12 - Бог, создатель, творец (старотур.).], имевшее более светское звучание. Теперь Пери решила встать на сторону матери. Для того чтобы спасти жизнь отца, она была готова на все, даже на то, чтобы предать его.

В туалете они произвели ритуальное омовение: умыли лица, вымыли руки и ноги, прополоскали рты. Вода была ледяная, но Пери стоически перенесла все необходимые приготовления к разговору с Богом. Молельных комнат в этом крыле больницы не было, и они вернулись в комнату для посетителей. Телевизор по-прежнему работал, женщина в красном платье с блестками по-прежнему вращала колесо, не утратив надежды на выигрыш.

Вместо молельных ковриков они расстелили на полу свои теплые кофты. Пери в точности повторяла все действия матери. Сельма скрестила руки на груди, то же самое сделала Пери. Сельма опустилась на колени и наклонилась, коснувшись лбом пола; то же самое сделала Пери. Только вот была одна существенная разница. Губы матери беспрестанно двигались, губы дочери оставались неподвижными. Вскоре ее осенило, что так она вряд ли угодит Богу. Безмолвная молитва подобна конверту без письма. Никто, и Бог в том числе, не обрадуется, получив пустой конверт. Значит, она должна что-то сказать. Поразмыслив, Пери горячо зашептала:

– Дорогой Аллах! Мама говорит, что Ты все время смотришь на меня. Конечно, я благодарна Тебе за такое внимание, но все-таки это как-то жутковато, и мне бы очень хотелось хоть иногда оставаться одной. Мама говорит, Ты слышишь все, что я говорю, даже то, что я говорю молча, только себе самой. Тебе известны все мои мысли. Тебе известно все, что уже случилось, и то, что должно случиться. Скажи, Ты видел Дитя Тумана? Никто не видит его, кроме меня. И кроме Тебя, я в этом уверена. Знаешь, что я думаю? У нас, людей, глаза маленькие, для того чтобы моргнуть, нам нужно меньше секунды. А у Тебя глаза огромные. Тебе для того, чтобы моргнуть, нужен целый час. Может, в это время Ты и не видишь моего папу. Когда я сержусь, папа всегда говорит мне: «Ты уже не маленькая и должна уметь прощать». Если Ты сердишься на папу, пожалуйста, прости его и сделай так, чтобы он выздоровел. Он очень хороший. Прошу, моргай всякий раз, когда мой папа совершает грех. Обещаю, я снова стану молиться и буду молиться каждую ночь, пока я жива. Аминь.

Стоя на коленях, Пери заметила, что мать повернула голову сначала направо, потом налево и провела руками по лицу. Девочка в точности скопировала все эти движения. У нее было такое чувство, что она запечатывает конверт, содержащий письмо к Аллаху.

На следующий день Менсур уже сидел на кровати в подушках, болтая с навестившими его друзьями. Через несколько дней его выписали из больницы, предварительно вшив ему электрокардиостимулятор и выдав счет на круглую сумму. Врачи настоятельно советовали ему бросить пить и избегать стрессов, словно стресс был докучливым родственником, которого можно просто не приглашать на обед. Все предостережения Менсур пропускал мимо ушей. После того как он станцевал танго с Азраилом, ангелом смерти, ему нечего больше бояться, заявил он.

Еще долго в ночных кошмарах ее преследовало это жуткое видение: отец, отплясывающий какой-то дикий танец со скелетом, который внезапно оказывался его собственным.

Стихотворение

Стамбул, 2016 год

Стоя в шикарной ванной, Пери смотрела на свое отражение в зеркале. Маска невозмутимости, которую она сохраняла ради дочери, слетела. Взгляд ее был полон тревоги и растерянности. Одиночество рыбок в аквариуме вдруг напомнило ей героев комиксов, выброшенных на необитаемый остров без всякой надежды на спасение. А разве она сама не такая же пленница? Сможет ли она убежать от своих ежедневных привычек, давних знакомств, обязательств и пристрастий? Выйти из налаженной колеи? Человека, решившего изменить свою жизнь, ожидает слишком много трудностей. Мы, словно узники, привязываемся к своей тюрьме.

Из-за двери донесся хохот. Хозяин дома рассказывал что-то смешное, его зычный голос заполнял собой все вокруг. Смысл шутки Пери не уловила, но, судя по реакции, она была весьма фривольного свойства.

– Ах вы, мужчины! – раздался женский голос, скорее игривый, чем укоряющий.

Пери сжала губы. Да, она была не из тех женщин, которые с такой легкостью и кокетством произносят подобные фразы при всех.

Будь то мужчины или женщины, ее всегда привлекали люди с непростым прошлым, следами перенесенного страдания в глазах и душевными ранами, невидимыми жестокому миру. В дружбе она умела быть искренней и верной, не жалела ни времени, ни сил для тех немногих избранных, к которым проникалась симпатией. Со всеми прочими, что составляли в обществе подавляющее большинство, она очень быстро начинала скучать. Скука порождала желание убежать, избавиться от ненужного собеседника, от пустого разговора, от

тягостной ситуации. Она предчувствовала, что сегодня, на этом буржуазном обеде, скука вновь станет ее верной спутницей. Есть только один способ отделаться от этого тоскливого компаньона – затеять незаметную для других игру, правила которой ведомы лишь ей одной.

Пери торопливо побрызгала в лицо водой. Неплохо было бы подправить макияж, но губная помада погибла под каблуком бродяги, а тени для век валялись на земле в темном переулке. Наскоро причесав волосы пальцами, она снова взглянула на свое отражение. Из зеркала на нее смотрело бледное лицо, испуганные глаза по-прежнему выдавали душевное смятение. Пери открыла дверь и с удивлением увидела дочь.

– Папа волнуется. Спрашивает, где ты.

– Мне нужно было привести себя в порядок. А что ты ему сказала?

– Ничего, – пожала плечами Дениз.

– Спасибо, солнышко. Идем к папе.

– Подожди. Ты забыла это, – сказала Дениз, протягивая руку. Пери сразу поняла, что дочь держит тот самый поляроидный снимок, который она тщетно искала после сегодняшней стычки. Должно быть, Дениз заметила его первой и сунула в карман. – А почему я никогда не видела этой фотки раньше? – требовательно спросила дочь.

На снимке были четверо. Профессор и три его студентки. Счастливые, полные наивных надежд изменить мир к лучшему и пребывающие в блаженном неведении о том, что их ждет в будущем. Пери прекрасно помнила день, когда была сделана эта фотография. Такой холодной зимы Оксфорд не знал несколько десятилетий. Высокие сугробы, пронизывающий холод по утрам, замерзшие трубы. И пьянящее чувство влюбленности, переполняющее все ее существо. Ни до, ни после она не ощущала так остро, что живет в полную силу.

– Кто эти люди, мама?

– Это старая фотография, – невозмутимо и равнодушно, слишком равнодушно, произнесла Пери.

– Почему ты носишь ее в бумажнике? Рядом с фотографиями своих детей? – не унималась Дениз. В глазах ее светилось любопытство и недоверие. – Ты не сказала, кто они.

Пери указала на девушку в ярко-красном платке, завязанном на манер тюрбана, с густо подведенными светло-кариими глазами.

– Это Мона. Наполовину американка, наполовину египтянка. – (Дениз, не произнося ни слова, сосредоточенно разглядывала фотографию.) – А это Ширин, – продолжала Пери, указывая на девушку с пышными черными волосами, ярким макияжем и в кожаных сапожках на высоченных каблуках. – Ее семья из Ирана, но они столько раз переезжали с места на место, что она уже не знала, какую страну считать родной.

– Как ты с ними познакомилась?

Пери ответила не сразу:

– Это мои университетские подруги. Мы учились в одном колледже, жили в одном доме. Ходили на один семинар, правда, в разное время.

– И о чем семинар?

Пери слегка улыбнулась, взгляд ее на мгновение подернулся дымкой воспоминаний.

– Ну, как тебе сказать... в общем, о Боге.

– Вау! – протянула Дениз.

Так она обычно восклицала, когда предмет разговора ее совершенно не интересовал. Палец дочери указал на высокого мужчину в центре маленькой группы. Его светло-каштановые волосы выбивались из-под плоской шляпы непослушными завитками; четко очерченный подбородок немного выдавался

вперед. Даже на фотографии было заметно, как сияют его глаза. Выражение лица было непроницаемым и в то же время слегка напряженным.

– А он кто?

Если в глазах Пери и мелькнуло смущение, то лишь на долю секунды.

– Наш профессор.

– Да ладно. А похож на строптивного студента.

– Он был... строптивным профессором.

– Разве такие бывают? – усмехнулась Дениз. – Как его звали?

– Мы звали его Азур.

– Ну и имечко. А где это вообще?

– В Англии... в Оксфорде.

– Где? Почему ты никогда не рассказывала, что училась в Оксфорде? –
Последнее слово она выделила особо.

Пери замешкалась, не зная, что ответить. Она сама бы не могла объяснить, почему не делилась своим прошлым ни с кем, даже с детьми. Просто не выдалось ни подходящего времени, ни удобного случая.

– Я провела там не так много времени, – вздохнула она. – И не закончила обучение.

– Но как ты туда попала?

Дениз явно находилась под впечатлением от только что сделанного открытия. Но в голосе дочери Пери уловила нотки зависти. Хотя до вступительных экзаменов в университет оставалось еще несколько лет, Дениз уже начала их

бояться. Образовательная система, нацеленная на то, чтобы разжечь в юных сердцах дух соревнования, неплохо подходила для дисциплинированных натур, таких как Пери, но для мятежников, подобных Дениз, оборачивалась настоящим бедствием.

– Можешь мне не верить, но в школе я училась отлично. Папа всегда хотел, чтобы я получила самое лучшее образование... в Европе. Он помог мне подать заявление, и меня приняли.

– Тебе помог дедушка? – недоверчиво спросила Дениз.

В ее сознании образ дряхлого старика, каким она запомнила деда, никак не уживался с образом всемогущего волшебника, способного чудесным образом изменить чью-либо жизнь.

– Да, – улыбнулась Пери. – Дедушка очень мной гордился.

– А бабушка? Она тобой не гордилась? – уточнила Дениз, интуитивно почуяв, что в прошлом не все было гладко.

– Она очень волновалась, что мне будет одиноко в чужой стране. Я ведь уезжала из дома в первый раз в жизни. Любой матери тяжело расставаться со своим ребенком.

Она тяжело вздохнула и вдруг с удивлением поняла, что сочувствует матери.

– И когда это было? – продолжала расспрашивать Дениз.

– Незадолго до одиннадцатого сентября, если это что-нибудь тебе говорит.

– Разумеется, я знаю, что такое одиннадцатое сентября. Значит, это было до того, как ты встретила папу. – Лицо Дениз просветлело от какого-то внезапного озарения. – Выходит, ты бросила Оксфорд, вернулась в Стамбул, забила на образование, вышла замуж, родила троих детей и стала домохозяйкой. Очень оригинальная карьера! Bravo!

– Я и не претендовала на оригинальность, – вздохнула Пери.

Пропустив ее слова мимо ушей, Дениз спросила:

– Так все же почему ты бросила Оксфорд?

На этот вопрос Пери ответить не могла. Правда была слишком болезненной.

– Выяснилось, что нагрузка слишком велика для меня: лекции, семинары, экзамены...

Дениз молчала, но ее взгляд явно выражал недоверие. Впервые в жизни ей пришло в голову, что ее мать, которая дала ей жизнь, день за днем заботилась о ней, удовлетворяя все ее нужды и капризы, когда-то, до рождения детей, была совсем другим человеком. До этого дня мать была для Дениз *terra cognita*, где каждая рощица, каждый пригорок и каждое тихое озерцо были ей известны. Мысль о том, что на этой земле могут быть неизведанные места, тревожила и раздражала ее.

– Может, теперь отдашь фотографию? – попросила Пери.

– Подожди секунду.

Дениз поднесла фотографию близко к глазам и прищурилась, словно пытаясь обнаружить какой-то секретный шифр. Подчинившись внезапному импульсу, она перевернула снимок и увидела надпись, сделанную размашистым почерком, которому писавший тщетно пытался придать аккуратность.

Пери от Ширин с сестринской любовью. И помни, Мышка: я больше не могу называть себя ни мужчиной, ни женщиной, ни ангелом, ни даже чистой душой.

– Кто такая Мышка? – хихикнула Дениз.

– Так Ширин называла меня.

– Трудно придумать прозвище, которое подходило бы тебе меньше!

– Наверное, дело в том, что за прошедшие годы я сильно изменилась, – улыбнулась Пери. – Нам пора идти, детка.

Вид у Дениз по-прежнему был озадаченный.

– А это что за бред – «не могу более зваться мужчиной, женщиной, ангелом»... и все такое прочее...

– Всего лишь строка из одного стихотворения. Солнышко, прошу тебя, отдай мне фотографию.

Из гостиной доносились оживленные голоса и смех. Кто-то блистал остроумием или, по крайней мере, воображал, что блистает. После недолгого раздумья Дениз вернула матери снимок и пошла к гостям.

Оставшись в коридоре одна, Пери крепко сжала фотографию. Ей казалось, что от этого кусочка картона исходит тепло, как от живого существа. Как все-таки странно устроена жизнь, думала она. С течением лет воспоминания блекнут, сердца черствеют, тела стареют, обещания оборачиваются обманом, убеждения теряют смысл. А фотография, это двухмерное изображение реальности, остается неизменной. Неизменной, как ложь, в которую по-прежнему хочется верить.

Стараясь не смотреть на лица, запечатленные на снимке, Пери спрятала его в бумажник. Ей не хотелось оглядываться в прошлое, не хотелось думать о том, как юная Пери отнеслась бы к женщине, в какую она превратилась сейчас. Выпрямив спину, она медленно направилась в гостиную, готовая к встрече с людьми, многие из которых хотя и были ее давними знакомыми, но так и остались для нее чужими.

Соглашение

Стамбул, 1990-е годы

В школе Пери пережила годы, наполненные и верой, и сомнениями. Втайне от отца она неукоснительно исполняла обещание, данное Богу. Каждый вечер перед сном она молилась, пылко и искренне, очень тщательно подбирая слова. Она старалась изо всех сил, надеясь, что Аллах будет милостивее к их семье и снисходительнее к прегрешениям ее отца, если она принесет все свои колебания на алтарь любви и станет такой набожной и благочестивой, как все эти бродячие проповедники, которых так много в Стамбуле. Разумеется, подобные надежды не имели под собой никаких реальных оснований. Но разве соглашения с Всевышним когда-нибудь бывают рациональны?

Проблема состояла в том, что молитва требовала исключительного внимания и полнейшей сосредоточенности. Когда разговариваешь с Богом, необходимо устремиться к Нему всем своим существом. Но стоило Пери опуститься на колени, в ее сознании тут же оживало множество разных голосов. Одни возражали, другие задавали вопросы или отпускали язвительные замечания. И что еще хуже, ее воображение рисовало навязчивые картины, имеющие отношение к самым тревожным вещам: смерти, ярости, невежеству, геноциду и особенно сексу. И напрасно Пери усиленно моргала, пытаясь прогнать обнаженные тела, сплетавшиеся перед ее мысленным взором. Удрученная своей неспособностью контролировать собственный мозг, испуганная тем, что подобные помыслы осквернят ее молитвы, она начинала разговор с Богом снова и снова, рассчитывая завершить его до того, как сознанием завладеют нечистые образы. Готовясь к молитве, она словно распахивала по шкафам всякий хлам, готовя дом своей души к встрече с Богом. Внешне все было в идеальном порядке, но Пери-то знала, как много мусора она пытается скрыть от Его всевидящего ока.

Возможно, если молиться не дома, в уединении, а среди других верующих, заглушить эти докучливые голоса будет легче, решила она. Вместе с несколькими набожными подругами она стала ходить в мечети. Рассеянный свет, льющийся из высоких арочных окон, люстры, росписи на стенах, вдохновенная архитектура Синана[13 - Турецкий архитектор и инженер османского периода.] восхищали ее. А вот то, что женские места для молитвы всегда находятся в самых тесных и неудобных частях мечети, где-нибудь сбоку в уголке или наверху за занавеской, настораживало.

Однажды после окончания намаза какой-то мужчина средних лет вышел вслед за ними во внутренний двор мечети.

– Девочки должны молиться дома, – заявил он, скользнув глазами по выпуклостям их грудей.

– Мечеть – это дом Аллаха, открытый для каждого, – возразила Пери.

Мужчина шагнул в ее сторону, вскинув подбородок. Казалось, он воображает себя часовым, охраняющим невидимые границы.

– Эта мечеть невелика, – заявил он. – Иногда даже мужчинам приходится молиться на тротуаре. И здесь нет места для школьниц.

– Вы хотите сказать, мечеть принадлежит мужчинам? – уточнила Пери.

Он рассмеялся, всем своим видом показывая, что сомневаться в этом нелепо. Мимо проходил имам, прекрасно слышавший весь разговор. Однако, к большому разочарованию Пери, он и не подумал вступить за девушек.

В другой раз, в Ускюдаре, в мечети, где места для женщин находились наверху, Пери раздвинула занавески, чтобы во время молитвы любоваться красотой храма. В ту же минуту пожилая женщина, с ног до головы одетая в черное, снова задернула занавески, что-то сердито бормоча себе под нос. Не только мужчины считали, что женщинам следует быть невидимыми. Многие женщины разделяли это мнение.

Да, Пери изо всех сил пыталась стать правоверной мусульманкой. Но между ней и ее религиозной принадлежностью, обозначенной на ее розовой идентификационной карточке, всегда была пропасть. И кто вообще придумал, что на удостоверениях личности должны быть сведения о вероисповедании? Кто решает, какую религию – мусульманство, христианство, иудаизм – исповедует новорожденный младенец? Уж конечно, не он сам.

Если бы Пери сама заполняла свою карту, в графе «Вероисповедание» она, возможно, написала бы «Неопределенное». По крайней мере, это было бы честно. Если ее матери суждено попасть в рай, а отцу – в ад, ее обителью должно стать чистилище, расположенное между ними.

Обсуждать подобные вопросы с благочестивыми людьми она избегала, так как, заметив ее колебания, они тут же заявляли, что истинный мусульманин не имеет права на сомнение. Те немногие атеисты, с которыми ей довелось встречаться, были ничуть не лучше. И те, кто верил в могущество Бога, и те, кто верил в могущество науки, считали своим главным долгом перетащить всех сомневающихся на свою сторону. Но Пери не желала, чтобы ее обращали в чью-то веру. Не хотела принимать чьи-то нормы и правила. Она чувствовала: все, что ей необходимо, – это пребывать в движении. Если она прибьется к тому или иному берегу, то потеряет себя как личность и превратится в кого-то чуждого ей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (https://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27095784&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

Перевод А. Прокопьева. – Здесь и далее примеч. перев.

2

Шах и мат (перс.).

3

Пресс для винограда (тур.).

4

За тебя! (тур.)

5

Душа моя (тур.).

6

Первая сура Корана.

7

Жизнь моя (тур.).

8

Оберег (тур.), представляющий собой небольшой диск из цветного литого стекла с точкой посередине, напоминающий глаз; в переводе с турецкого означает «сглаз от сглаза».

9

Старинный ударный инструмент, распространенный на Ближнем Востоке.

10

Покайся, покайся (тур.).

11

Святая вода из колодца в Мекке.

12

Бог, создатель, творец (старотур.).

13

Турецкий архитектор и инженер османского периода.

Купить: <https://telnovel.com/elif-shafak/tri-docheri-evy-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)